18+
Влад Ильинский
Онтология Выбора

Влад Ильинский

Онтология выбора

«Издательские решения»

Ильинский В.

Онтология выбора / В. Ильинский — «Издательские решения»,

Сергею Лернеру пятьдесят три года — возраст, когда принято подводить итоги, а не сталкиваться с призраками. Но прошлое не спрашивает разрешения. Оно врывается в его жизнь внезапно, стирая границы между сном и явью. Старые тени, забытые обиды и невысказанные слова сплетаются в причудливый лабиринт, где улицы Одессы перетекают в проспекты Питера и переулки Москвы. Сергею предстоит лицом к лицу встретиться со своим главным судьей — самим собой и сделать свой главный и решающий выбор.

© Ильинский В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 31
Глава 7 36
Глава 8 40
Глава 9 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Онтология выбора

Влад Ильинский

Редактор Инна Харитонова
Корректор Ольга Рыбина
Дизайнер обложки Мария Фролова

© Влад Ильинский, 2026
© Мария Фролова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1112-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Хмурым пасмурным утром по Кутузовскому проспекту мчался огромный чёрный автомобиль. Небо над Москвой затянули тяжёлые, похожие на мокрый бетон облака. После затяжного ночного дождя широкие низкопрофильные шины с сочным шипением разрезали лужи, оставляя на асфальте чёткий зеркальный след. В отполированном до блеска кузове, словно в кривом зеркале, проносился искажённый город: монументальные сталинские высотки, пустынные тротуары и редкие прохожие, зябко кутающиеся в плащи. Мощный двигатель работал на низких оборотах, выдавая едва заметную вибрацию, которая тонула в глубоких креслах. Мрачноватый водитель в идеально отглаженном сером костюме, не отрывая рук от руля, сосредоточенно контролировал дорогу.

На заднем сиденье расположился единственный пассажир. Одетый в дорогой костюм из тончайшей шерсти, он казался частью этого безупречного интерьера. Его лицо, застывшее в маске спокойной уверенности, изредка освещалось бликами пролетающих мимо светофоров. Взгляд мужчины, холодный и проницательный, проникал сквозь пелену мелкой измороси, устремляясь куда-то вдаль, за пределы суетного мира офисов и котировок. Несмотря на пронизывающий ветер, яростно бросавший капли дождя в бронированные стёкла, внутри сохранялась лёгкая прохлада, а приглушённая контурная подсветка мягко рассеивала остатки ночного сумрака.

Снова зарядил дождь, гулко забарабанив по панорамной крыше «Майбаха». Чёрный гигант, разрезающий потоки воды на асфальте, напоминал тяжёлый крейсер, идущий сквозь штормовое море. Толстые стекла скрадывали шум города, превращая суету Кутузовского проспекта в беззвучную хронику. Отгороженный от внешнего мира слоями стали и звукоизоляции, пассажир мог наконец позволить себе роскошь полного погружения в свои мысли.

Пассажира звали Сергей Сергеевич Лернер. Крупный бизнесмен, или, как привыкли шептаться за спиной, олигарх. Он с холодной расчётливостью возглавлял группу компаний «Берег» — доминирующего игрока на российском рынке морепродуктов. В империю Лернера входили заводы в Мурманске и Владивостоке, где работа кипела в три смены, два океанских контейнеровоза-рефрижератора и целая армада рыболовецких траулеров и сейнеров, разбросанных по холодным северным морям. Его имя, произнесённое вполголоса, заставляло напрягаться чиновников в коридорах власти и нервно замирать брокеров на биржевых площадках.

Однако сегодня Лернер выглядел странно отрешённым. Мысли его были бесконечно далеки от привычных сражений за квоты на вылов, колебаний мировых цен на тунца или амбициозного проекта нового завода в Архангельске. Его взгляд, тяжёлый, проницательный, привыкший искать подвох в контрактах, теперь бесцельно цеплялся за серые очертания домов и размытые пятна неоновых вывесок. Он словно пытался разглядеть в этом тусклом городском пейзаже нечто важное, давно ускользающее от его внимания за пеленой бесконечных цифр.

Дождь усиливался, превращаясь в сплошную стену, и хаотичные струи на стёклах сплетались в причудливые меняющиеся узоры. Мерный стук капель по металлу действовал гипнотически. Лернер редко позволял себе подобные минуты бездействия — его время обычно было расписано по секундам и стоило целые состояния. За рулём сидел не просто наёмный персонал, а Марат — верная тень и доверенное лицо, человек, который за пятнадцать лет службы научился понимать хозяина без слов. Он чувствовал настроение Лернера, глядя в зеркало заднего вида, и знал: сейчас тишина — это приказ, который нельзя нарушать.

Сейчас молчание было наиболее ценным. Оно окутывало Лернера, словно плотный кокон, позволяя оставаться наедине с мыслями, которые обычно тонули в гуле телефонных звонков и бесконечных совещаний. Он всегда славился умением просчитывать ходы, но сегодня его внутренний взор был обращён в прошлое. Где-то за фасадом успеха скрывалась

его главная ошибка. Она не была видна на графиках доходности, но Лернер ощущал её кожей — как едва заметную трещину в фундаменте, которая становится всё шире.

Он сосредоточенно зарабатывал деньги, выстраивал империю, а семья так и не появилась. Ни жены, ни детей, ни даже кого-то, кто мог бы просто спросить: «Ты поел? Устал?» Хозяин империи «Берег» обладал всем, что принято называть счастьем. В его распоряжении были лучшие повара, частные самолёты и тишина закрытых клубов. Однако за панорамными стёклами его жизни зияла пустота. В душе росло глухое раздражение: он понял, что стал заложником собственных достижений. Жизнь превратилась в безупречно отлаженный механизм, в котором не осталось места для него самого.

«Майбах» плавно вкатился в лабиринт делового центра «Москва-Сити». Огромные стеклянные иглы небоскрёбов, казалось, протыкали низкое свинцовое небо. Зеркальные поверхности башен отражали хмурое утро, превращая его в бесконечный коридор из стали и бетона. Лимузин замер у подножия башни «Меридиан» — колоссальной конструкции, пик которой терялся в тумане. Именно здесь, на верхних этажах, за бронированными дверями, билось холодное сердце его холдинга.

— Приехали, Сергей Сергеевич, — голос водителя прозвучал мягко, почтительно нарушая тишину салона.

Лернер вздрогнул, словно очнувшись от затянувшегося сна, и на мгновение задержал взгляд на капле дождя, медленно ползущей по стеклу.

— Спасибо, Марат. Не уезжай далеко, будь на связи.

Водитель едва заметно кивнул. Когда тяжёлая дверь открылась, в салон ворвался сырой воздух столицы, пахнущий мокрым асфальтом и выхлопными газами. Лернер поправил галстук и вышел. «Ещё один день эффективного превращения времени в деньги», — с горькой усмешкой подумал он.

На мгновение он замер, глядя на отражение своей фигуры в стекле. Маленькая одинокая тень рядом с исполинским входом. Затем шагнул вперёд. Он расправил плечи, спрятав горечь за маской уверенности. Отлаженный механизм империи снова пришёл в движение.

Глава 1

Вестибюль встретил Лернера прохладой, блеском мраморных полов и хмурыми взглядами охраны. За стеклянными стенами офисов кипела жизнь: надрывались телефоны, сновали клерки.

Скоростной лифт вынес его на верхний этаж. Из окон открывалась панорама города — чёткие линии небоскрёбов, пересекающиеся под прямыми углами.

Здесь, на высоте, проблемы превращались в едва различимый шёпот. На стене тикали часы — ровно, методично, отсчитывая секунды корпоративного времени. Где-то этажом ниже загудел принтер, выпуская очередную стопку документов. Всё как всегда — кроме одной детали.

Ключ не понадобился — замок щёлкнул сам. Лернер толкнул дверь, шагнул в кабинет. Привычным движением провёл ладонью по дверной раме — ритуал, который он неосознанно повторял каждое утро.

Взгляд скользнул по столу: стопка отчётов лежала идеально ровно, ручка под углом сорок пять градусов, как всегда. Всё на своих местах. И в этот момент глаза зацепились за силуэт. Лернер замер.

На коричневом кожаном диване сидела Маша. Голая — если не считать изящных чёрных туфель. Новая помощница неподвижно смотрела в пол, дышала ровно и спокойно. Лернера обдало жаром. В ушах глухо застучало. В разгар рабочего дня, когда на столе лежал недописанный важный отчёт, реальность раскололась. От резкого сквозняка дверь за спиной хлопнула о стопор, но девушка даже не вздрогнула. Она сидела как мраморная статуя. Лернер несколько секунд тупо смотрел на неё, боясь отвести взгляд и одновременно сгорая от неловкости. Пальцы намертво вцепились в дверную ручку — единственную точку опоры в рухнувшем мире корпоративного этикета. Он попытался сделать шаг вперёд, но колени едва слушались.

Лернер переступил с ноги на ногу. Выдавая его, жалобно скрипнула половица. Мария медленно подняла голову. В её голубых глазах не было ни капли смущения. Наоборот, они казались пугающе, гипнотически глубокими.

— Мария?.. — Лернер едва узнал собственный сиплый голос. — Что это значит?

— Доброе утро, Сергей Сергеевич. — Голос прозвучал ровно, без единой лишней ноты, словно они столкнулись у кофемашины. Лернера передёрнуло.

— Маша? Что ты… И почему в таком… — Он запнулся. Взгляд против воли скользил по изгибу бедра, обнажённым коленям, открытой груди. Лернер словно прирос к полу. Маша едва заметно улыбнулась — так улыбаются сумасшедшие или те, кто знает правила игры, неизвестные остальным. Наваждение отступило так же резко, как и накатило. Лернер шумно выдохнул и заставил себя отвернуться к окну.

— Машенька, ты можешь объяснить, что это за перформанс?

Вместо ответа она качнула головой назад. Лернер поднял взгляд на стену. Над диваном висело полотно — подарок китайских партнёров в день закрытия сделки. Лернер повесил его ради приличия и больше не вспоминал. Теперь он содрогнулся: на холсте, в точно такой же позе, на идентичной коже дивана сидела обнажённая азиатка. Она смотрела прямо на зрителя — её глаза, тёмные и бездонные, казались живыми. Лернер никогда не замечал этого раньше.

Маша скопировала сюжет до миллиметра — от наклона головы до положения пальцев.

— Боже… — Лернер шумно опустился в кресло напротив. — Ты что, косплеишь живопись?

Он заставил себя смотреть ей строго в глаза, чтобы не поплыть окончательно. В голове бился один вопрос: перед ним гениальный манипулятор или сумасшедшая?

— Маша, это… очень аутентично, — забормотал он, судорожно ища выход. — Но на холсте — искусство, а мы в офисе. Здесь так не принято.

— Это полотно… оно меня просто заворожило, — едва слышно отозвалась она.

Маша на мгновение опустила глаза, и Лернер заметил, как дрогнули её ресницы.

— Я хотела понять, — тихо добавила она, — каково это — быть настолько свободной, чтобы не бояться чужого взгляда. Чтобы искусство не оставалось на холсте, а становилось частью тебя.

— Эта картина, Машенька, — работа модного китайского художника. — Лернер попытался вернуть голосу вес. — Раз уж ты пришла так рано, приводи себя в порядок. У нас много дел.

— Сергей Сергеевич, я просто хотела… — Она впервые отвела взгляд и запнулась. — Вы не подумайте ничего такого, я…

— Закрыли тему, — перебил он. — Одевайся. Жду отчёт.

Маша молча поднялась и подобрала с пола чёрное платье. В её движениях не было суеты. Ткань скользнула по телу, скрывая наготу, и Лернер поймал себя на мысли, что ему чертовски трудно смотреть в другую сторону. Горло пересохло. Правила требовали отвернуться — но взгляд прилип к застёгивающейся молнии.

Лернер не мог понять: «Это же просто кожа. Мы все так устроены. Почему тогда внутри всё сжимается?» Он сжал кулаки, пытаясь вернуть контроль. «Спокойно. Она — сотрудник. Сейчас оденется, сядет за стол, и мы забудем этот… перформанс». Но глаза сами скользили по линии её шеи, пока она застёгивала пуговицы.

— Я просто хотела выразить восхищение искусством, Сергей Сергеевич. — В голос Маши вернулась привычная секретарская вежливость. — Картина действительно меня поразила.

Лернер сухо кивнул.

— Рад твоему тонкому вкусу, Машенька. Но отчёт по проекту «Альфа» сам себя не напишет.

Маша прошла к своему столу. На губах играла едва заметная улыбка, а в глазах по-прежнему горел странный азарт.

Лернер до боли в пальцах сжал ручку. Случайность? Дань искусству? Да чёрта с два. Ближайшие три часа превратились в пытку. Лернер тупо смотрел в монитор, перечитывал одну и ту же строчку в документах и сбивался в простейших расчётах. Цифры расплывались. Стоило поднять глаза, взгляд натыкался на обнажённую азиатку на холсте, а чуть правее — на Машу. Она как ни в чём не бывало стучала по клавишам, идеально прямая, застёгнутая на все пуговицы. И эта её внезапная ледяная невозмутимость пугала теперь сильнее, чем недавняя нагота.

За этой покорностью скрывалось что-то ещё. Документы для министерства, которые ещё утром казались Лернеру делом жизни, вдруг потеряли всякий смысл. Напротив него сидела девчонка, которая за секунду взломала его личные границы, используя чёртов подарок китайцев как ключ.

Кондиционер гудел на фоне, отсчитывая секунды. Лернер вдруг осознал, что звук стал громче — или это просто кровь стучала в висках?

Маша быстро стучала клавишами — резко, почти агрессивно.

Но Лернер видел: эта идеальная осанка и деловое рвение — фальшивка. Вдруг её плечи едва заметно дрогнули. Она беззвучно смеялась. Лернер был готов поклясться: это не были нервы. Это было чистое предвкушение. Игра шла здесь и сейчас. Лернер — хозяин кабинета — вдруг стал стажёром.

Надо было перехватить инициативу.

— Маша, отчёт нужен к обеду. Министр не станет ждать. Успеваешь?

Маша на мгновение перестала печатать. Её пальцы замерли над клавишами, словно обдумывая ответ. Затем она медленно повернула голову — ровно на девяносто градусов, как манекен в витрине.

— Сергей Сергеевич, я всегда справляюсь, — произнесла она с едва заметной паузой перед «справляюсь».

Эта сытая уверенность взбесила его. Образ жёсткого руководителя трещал по швам. И всё из-за девчонки с неясными намерениями. Он снова уткнулся в монитор. Бесполезно: ровные ряды цифр превращались в кашу. Взгляд снова скользнул к стене. Маша не просто скопировала позу — она перенесла чужую энергетику в его офис. Теперь он играл по её правилам.

Клавиатура за столом помощницы наконец затихла. Маша откинулась на спинку кресла и посмотрела на Лернера в упор. Никакой прежней скромности — чистый, неразбавленный вызов.

— Сергей Сергеевич, вы так увлечены работой, что, кажется, забыли о кофе.

Лернер перехватил её взгляд и стиснул зубы. С неё станется принести кофе в таком же виде, в каком она сидела полчаса назад. Самоконтроль держался на честном слове.

— Да, ты права. — Лернер задумчиво побарабанил пальцами по столу. — И не мешало бы плеснуть туда коньяку.

— Конечно, Сергей Сергеевич.

Маша вышла из-за стола и направилась к мини-бару в углу. Чёрное платье идеально сидело на ней. Бёдра покачивались в такт шагам — легко, непринуждённо. Подумаешь, голышом перед боссом, делов-то. Она правда так спокойна или ей не привыкать? Классический сценарий соблазнения директора, но Лернера не покидало ощущение, что его водят за нос.

— Кофе с коньяком, как вы просили. — Маша вернулась с подносом. Голос обволакивал. — Немного, для настроения. В такую погоду важно сохранять душевное равновесие.

В улыбке — ни капли стыда. Густой аромат кофе смешался со спиртовой резкостью коньяка и сладковато-горьким шлейфом её духов; этот гибридный запах пьянил. Маша поставила чашку слишком близко к краю стола — Лернер невольно протянул руку, чтобы отодвинуть её. Их пальцы соприкоснулись. Между ними сухо, по-зимнему щёлкнул разряд статического электричества. Но Маша не отдёрнула руку, а наоборот — задержала контакт на долю секунды дольше, чем требовалось.

Она чуть наклонила голову, словно изучая его реакцию. В глазах мелькнуло что-то — не то удовлетворение, не то вызов. Лернер почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он отвёл взгляд, но успел заметить: на её запястье, чуть выше манжеты, виднелся тонкий шрам — след давней царапины или ожога. Странная деталь, но она почему-то впечатлила.

Маша стояла рядом. Лернер поднял глаза: она смотрела в окно, но её пальцы с идеальным маникюром с силой держались за край стола. Тоже нервничает?

Лернер сделал глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, возвращая твёрдость мыслям.

— «Альфа» будет готова минут через сорок. Не волнуйтесь, — спокойно произнесла Маша и перешла к своему столу.

Идеально прямая спина, уверенный шаг. О важнейшем для министерства документе она говорила так, словно заваривала чай. Лернер проводил её взглядом. Эту пружину в груди нужно было срочно отпустить. «Ну что же, — подумал он, — попробуем самый безопасный путь».

— Машенька, — Лернер откинулся на спинку кресла, нарочито растягивая каждый слог её имени, словно заново выстраивал забор субординации, — как закончишь с «Альфой», отнеси в отдел связи. Пусть отправляют в министерство.

Маша замерла, округлив глаза:

— Вы не повезёте лично? Я отменила все ваши встречи на сегодня.

— Министр — парень умный, разберётся. Возникнут вопросы — позвонит. — Лернер сделал ещё глоток и улыбнулся: — А то, что встречи отменены, отлично! Я дико проголодался. Собирайся, поедем обедать. Я подожду.

Маша удивлённо моргнула. Потребовалось несколько секунд, чтобы нацепить маску невозмутимости. Такого хода она явно не учла.

— Составить компанию? — На её щеке появилась едва заметная ямочка. — Сергей Сергеевич, вы рискуете. Обедать с помощницей, которая только что… — Маша сделала паузу, многозначительно обведя глазами пустой диван: — …вела себя столь неподобающе?

На её губах играла лукавая улыбка. Лернер встал и застегнул пиджак. Под рёбрами глухо заныло от напряжения, но внешне он оставался спокоен.

— Маша, в нашем деле редко встретишь человека, с кем можно просто поговорить. — Он чуть понизил голос: — К тому же кому, как не тебе, доверять выбор места.

Маша прищурилась, словно пыталась насквозь проницать его мысли. На секунду воцарилась тишина.

— Хорошо, Сергей Сергеевич, если вы настаиваете… Неподалёку есть одно уютное место. Там подают отличный салат с морепродуктами.

— Вот и отлично. Заканчивай с «Альфой», а я вызову машину. Через час жду в вестибюле.

Лернер достал мобильный и набрал водителя.

— Слушаю, Сергей Сергеевич, — отозвалась трубка.

— Марат, машину ко входу через сорок минут.

— Понял, буду.

Лернер убрал телефон в карман и взглянул на Машу — та уже снова стучала по клавишам, но в её движениях появилась едва заметная заминка.

— До встречи, — бросил он, задержав взгляд на её профиле. В груди что-то ёкнуло — то ли раздражение, то ли предвкушение.

Маша чуть повернула голову, словно уловив его взгляд. На долю секунды их глаза встретились — и в её взгляде мелькнуло то же самое: смесь вызова и чего-то ещё, неуловимого. Лернер резко развернулся и вышел.

В коридоре он остановился, обернулся. Дверь кабинета медленно закрывалась, оставляя за собой шлейф её духов — сладковатый, с лёгкой горчинкой. Лернер вдохнул глубже. Где-то в глубине души шевельнулось странное чувство: не страх и не раздражение, а предвкушение. Он тряхнул головой, отгоняя мысль. «Это просто кофе с коньяком», — убедил он себя. Но улыбка всё равно тронула губы.

Глава 2

Маша наконец-то поставила точку в отчёте. С облегчением отнесла его в отдел связи и заодно передала распоряжение Лернера: немедленно отправить документ министру.

Её появление всегда вызывало бурю эмоций, особенно у женщин. Стройная блондинка в коротком платье, выгодно подчёркивающем длинные ноги, да ещё и работающая прямо в кабинете хозяина холдинга! Под испепеляющими взглядами коллег Маша спустилась в вестибюль. Она чувствовала на себе взгляды со всех сторон. Охранники, заметив её, оторвались от мониторов и расплылись в глупых улыбках. Девушка ответила им лёгким кивком.

Выйдя на улицу, она глубоко вдохнула свежий воздух. Там, внутри, среди холодных стен и строгих лиц, она постоянно была на виду, а здесь могла наконец-то побыть собой.

Заметив, что её ждёт машина, Маша поспешила к ней. Марат услужливо открыл заднюю дверь лимузина, и она с лёгким вздохом погрузилась в роскошный кожаный салон. Рядом сидел Лернер и тепло улыбался.

— Добрый день, Машенька.

— Добрый день, Сергей Сергеевич.

— Твоё привычное место мы, пожалуй, оставим на потом, — продолжил Лернер. — А сейчас поедем в другой ресторан, не менее уютный и с прекрасной кухней. Там большой выбор, думаю, ты сможешь подобрать для себя что-нибудь интересное.

Маша кокетливо улыбнулась:

— Вы приглашаете, вам и карты в руки, Сергей Сергеевич.

Машина плавно тронулась с места. Лернер усмехнулся. Он ценил в Маше не только привлекательную внешность, но и острый ум и изящный юмор, который не раз выручал его в сложных ситуациях. Её работа в кабинете шефа не была случайностью, хотя многие в холдинге считали иначе. За красивой оболочкой коллеги не замечали её трудолюбия и преданности делу.

— Надеюсь, там, куда мы едем, тебе понравится. По крайней мере, никто не будет оценивать тебя взглядами.

— Я рада, Сергей Сергеевич, — ответила она, и её голос прозвучал мягче, чем обычно. — Мне и правда хотелось отдохнуть и отвлечься.

Маша смотрела в окно на ускользающий городской пейзаж, гадая, что ждёт её впереди.

Лернер, заметив её задумчивость, едва заметно улыбнулся. Он предвкушал этот вечер и возможность по-настоящему поговорить с девушкой без посторонних глаз и ушей.

Минут через двадцать автомобиль свернул с Тверской в Благовещенский переулок и, проехав ещё метров сто, остановился у входа. Ресторан с летней террасой утопал в зелени. Здесь было тихо и немноголюдно.

Выйдя из автомобиля, Лернер сам открыл Маше дверь и протянул руку.

Когда они вошли, их встретил администратор в белоснежном костюме:

— Добрейшего дня, Сергей Сергеевич! Ваш зал готов, я вас провожу.

Он проводил их в небольшой VIP-зал. Маша села напротив Лернера, оглядывая спокойный полумрак и безупречно сервированный стол.

Сергей Сергеевич оглядел зал и одобрительно кивнул официанту, который, предвосхищая желания гостей, бесшумно подошёл к столику. Его присутствие было ненавязчивым: он замер, готовый ответить на любой вопрос и принять заказ.

Лернер взял меню, но даже не стал его открывать.

— Мне каре ягнёнка, тебе — пасту с морепродуктами?

— Да, Сергей Сергеевич, — игривым тоном ответила Маша.

— Что мы сможем ей предложить, уважаемый? — обратился Лернер к официанту.

— Я бы посоветовал лингвини с крабом и карпаччо из осьминога, — мгновенно выпалил тот. Лернер вопросительно посмотрел на Машу, и она элегантно кивнула в знак согласия.

— И предложите какое-нибудь особенное вино.

Маша лишь с улыбкой кивнула, доверяя выбору Сергея Сергеевича.

Официант склонил голову:

— Рекомендую «Шато Марго» девяносто пятого года.

— Берём, — кивнул Лернер.

Приняв заказ, официант бесшумно удалился.

Маша пристально посмотрела на Лернера.

— Давно хотела вас спросить, Сергей Сергеевич, но никак не решалась.

— Слушаю, — Лернер слегка подался вперёд.

— Я никогда не видела и не слышала, чтобы секретарь или помощник сидел прямо в кабинете начальника, — начала она. — А у вас так заведено. Моя предшественница тоже сидела с вами, насколько я знаю. Почему?

— Всё очень просто, Машенька, — Лернер мягко улыбнулся. — Мне так удобно. Зачем каждый раз звонить секретарю, который сидит за стенкой, если в огромном кабинете свободно помещаются два человека?

Маша кивнула, принимая его объяснение, но не отступила.

— Удобство — это, конечно, важно, — произнесла она, и в её голосе появилась новая, более ровная интонация. — Но, Сергей Сергеевич, разве это не создаёт определённую… близость? Не стирает ли границы между рабочим пространством и личным? Ведь кабинет начальника — это не просто комната. Это своего рода крепость, место принятия важных решений, где иногда требуется полная уединённость, не так ли?

Сергей Сергеевич усмехнулся про себя. Он видел, что Маша не просто любопытствует, она пытается понять его, проникнуться его логикой, понять его самого. И это интриговало. Он всегда ценил людей, которые не боялись спрашивать, не принимали всё на веру, а стремились докопаться до сути.

— Крепость, говорите? — повторил он, слегка приподняв бровь. — Возможно. Но крепость может быть и открытой, Машенька. И близость… близость бывает не только физической, но и интеллектуальной. Когда человек находится рядом, когда он видит и чувствует атмосферу, он лучше понимает контекст и предугадывает потребности. Это не стирание границ, а их более тонкое, эффективное использование. А сосредоточенность приходит не от изоляции. Она рождается из понимания, что ты не один, что рядом человек, готовый поддержать или быть на подхвате, когда это необходимо.

Он сделал паузу, наблюдая за Машей. Она смотрела на него, и в её взгляде уже не было робости. Лернер видел, как она обдумывает его слова.

С минуту они сидели молча, глядя друг на друга. Вскоре вернулся официант с изящно запылённой бутылкой. Он разлил вино по бокалам.

Маша сделала глоток и улыбнулась.

— Идеально, — прошептала она, отвечая на вопросительный взгляд Лернера. — Просто идеально.

Они вновь встретились глазами, и в этом безмолвном диалоге читалось нечто большее, чем просто предвкушение приятного ужина. Маша слегка приподняла свой бокал:

— С вас первый тост.

Лернер улыбнулся:

— За тебя, Машенька. За твою красоту.

Хрусталь тихо и мелодично звякнул.

Тем временем вернулся официант, и на столе появились тарелки с закусками.

— Пахнет потрясающе, — улыбнулась Маша. Лернер улыбнулся:

— Приятного аппетита, Машенька.

— Спасибо, и вам тоже, Сергей Сергеевич, — отозвалась Маша, едва прожевав первый кусочек.

Когда их тарелки наполовину опустели, Лернер подлил в бокалы вина.

— Теперь твой тост, Машенька.

Он смотрел на неё в упор. Девушка подняла свой бокал:

— Я хочу выпить за удачу, Сергей Сергеевич. Чтобы она вас никогда не покидала.

Снова раздался хрустальный звон. Допив вино, Маша поставила бокал на стол и опустила глаза. Затем она едва слышно произнесла:

— Сергей Сергеевич, я должна объяснить вам своё поведение сегодня утром.

Лернер внимательно посмотрел на спутницу:

— Маша, ты ничего мне не должна. Тем более ты уже всё объяснила — тебе просто понравилась картина.

— Этого недостаточно, я всё-таки объясню.

— Маша, мы можем забыть об этом навсегда и больше не вспоминать.

— Сергей Сергеевич, я так не могу. Я обязана всё рассказать.

Лернер отправил в рот очередную оливку и приготовился слушать.

— Два месяца назад я пришла в «Берег», — тихо начала Маша. — Меня устроила к вам тётя. У неё своё кадровое агентство, и она давно сотрудничает с вашим холдингом. Когда появилась вакансия, она пришла в настоящий восторг. Говорила, что мне невероятно повезло. А потом стала убеждать, что я просто обязана понравиться вам. Не как сотрудник, а… вообще. Честно говоря, меня это ужасно раздражало. Я никого соблазнять не собиралась. Мне просто нужна была работа. И ещё мне хотелось понять, как мыслят люди, которые создают такие компании, как ваша. Первое, что меня удивило, как я уже говорила, — это то, что мой стол стоит прямо в вашем кабинете. — Маша опустила взгляд на тарелку, словно собираясь с духом. — А второе — картина. Она меня завораживала.

Она подняла глаза, встречаясь с его прямым, проницательным взглядом.

— Спокойствие этой обнажённой девушки, сидящей на диване… как ни в чём не бывало. Знаете, это её абсолютное равнодушие к чужим глазам буквально сводило меня с ума. Часами, пока вы читали документы или говорили по телефону, я украдкой бросала на неё взгляды. Пыталась разгадать её секрет. А потом… — Маша сделала паузу, её дыхание едва заметно участилось, а на щеках проступил едва уловимый румянец. — Потом я заметила, что ваш кожаный диван в кабинете очень похож на тот, с полотна. И в голову пришла безумная, шальная мысль.

Лернер не перебивал. Он слегка наклонил голову набок, его пальцы замерли на ножке бокала. Он слушал её с тем предельным вниманием, от которого у Маши перехватывало дыхание.

— Я решила прийти пораньше, — тихо, почти шёпотом продолжила она, и её голос приобрёл бархатистые, интимные нотки. — Обычно я появляюсь к десяти. Во сколько приходите вы, я точно не знала. Предположила, что около девяти, но допускала, что можете и раньше. В итоге я приехала к восьми. Сама мысль о том, что меня могут застигнуть в таком виде… без одежды, на вашем диване… она не пугала. Она как-то странно раззадоривала. Я пообещала себе: если вы войдёте и застанете меня, я не стану прятаться. Постараюсь вести себя в точности как та девушка с картины. Сделать вид, что всё в порядке.

— И тебе это удалось, — негромко перебил её Лернер.

Его голос прозвучал неожиданно низко. Он медленно опустил взгляд ниже её лица, плавно скользнув по открытой шее к глубокому декольте чёрного платья, словно мысленно возвращаясь к утренней картине в кабинете, а затем снова посмотрел ей прямо в глаза.

— Меня, признаться, гораздо больше удивило твоё фантастическое спокойствие, чем сам вид. У тебя даже мускул на лице не дрогнул.

— Я знаю, — Маша судорожно вздохнула и чуть отодвинула бокал. — Знаю, как это выглядит со стороны. И знаю, что вы мне не верите. Думаете, это был холодный расчёт. Но это правда. Просто… глупый порыв.

— Почему я не могу тебе поверить? — Лернер едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке не было снисхождения, только искреннее любопытство хищника, встретившего достойного соперника.

— Потому что это выходит за рамки понимания обычного человека. — Маша упрямо вскинула подбородок, защищаясь от его проницательного взгляда. — Обычно женщины так себя не ведут.

Лернер мягко усмехнулся, откинувшись на спинку кресла, но не сводя с неё глаз:

— Машенька, если бы я всё время действовал в рамках понимания обычных людей и мерил поступки шаблонами, я бы никогда ничего в этой жизни не достиг.

Он протянул руку и слегка коснулся пальцами основания своего бокала, словно приглашая её к перемирию.

— Значит… инцидент исчерпан? — спросила Маша. Она посмотрела на него снизу вверх, и в этом умоляющем, открытом взгляде взрослой женщины вдруг снова промелькнула беззащитная девочка, которой она была утром.

— Да не было никакого инцидента, — ответил Лернер, снимая её напряжение. — Было прекрасное утро.

Тем временем официант подал основные блюда. Ароматная паста с крабом, казалось, вернула Машу из её переживаний в реальный мир. Она снова подняла бокал:

— Сергей Сергеевич, я за два месяца рядом с вами узнала больше, чем за пять лет в университете. Хочу выпить за вас: чтобы у вас всё и всегда получалось.

— Спасибо, Машенька.

Лернер тоже поднял свой бокал, хрусталь мягко отозвался в тишине VIP-зала.

— Сергей Сергеевич, а расскажите о себе, — попросила Маша. — Ну хоть чуть-чуть, именно о себе, а не о бизнесе. Ну пожалуйста!

Лернер оторвался от нежного ягнёнка.

— Расскажу. — Он внимательно посмотрел на юную спутницу и улыбнулся. — Но только если пообещаешь, что будешь слушать и есть, а не просто заглядывать мне в рот.

— Всё-всё! — обрадовалась Маша, накручивая на вилку лингвини. — Я ем, смотрите.

Лернер откинулся на спинку кресла, взял свой бокал за тонкую ножку и несколько секунд молча наблюдал за тем, как рубиновое вино медленно стекает по хрустальным стенкам. Его взгляд на мгновение стал затуманенным, словно он перенёсся на много лет назад.

— Ну, начнём со сложного, — тихо произнёс он, и в его голосе исчезли привычные командирские нотки. — Мне пятьдесят три года, Машенька. Не двадцать три, как тебе, и даже не тридцать пять. Пятьдесят три. Это огромная дистанция.

Девушка замерла, слегка качнула головой и медленно опустила вилку, но под строгим взглядом шефа тут же послушно продолжила ужин.

— Я родился в Одессе. — Лернер сделал глоток, прикрыв глаза, словно улавливая в букете вина привкус далёкого черноморского детства. — Мои родители были геологами. Знаешь, из тех романтиков шестидесятых: гитара, палатки, тайга… Когда мне исполнилось три года, они уехали в очередную экспедицию на Южный Урал. И не вернулись. Группа просто исчезла. Поисковые отряды прочёсывали тайгу месяцами, но безрезультатно. У меня не осталось даже их могил, Маша. Я их не помню. Вообще. Только лица на старых чёрно-белых фотокарточках.

Маша застыла, её глаза расширились от возникшего сочувствия. Она забыла про пасту, глядя на этого могущественного человека, который сейчас казался уязвимым.

— Ешь давай, а то замолчу, — нарочито строго прервал её Лернер, хотя в глубине его глаз мелькнула благодарность за её искреннюю реакцию.

— Воспитывала меня бабушка. На её крошечную пенсию особо не разгуляешься, так что рос я обычным дворовым пацаном, учился средненько, звёзд с неба не хватал. Потом — армия. И вот там меня догнал следующий удар. Бабушка умерла, когда я ещё служил. Представляешь, командир части посчитал, что это «не повод прерывать выполнение долга», и мне даже не сообщили. Не пустили на похороны.

Лернер резко замолчал. Он поставил бокал на стол, чуть громче, чем собирался, и на секунду крепко сжал пальцами переносицу. Маша боялась даже дышать.

— Когда я демобилизовался и вернулся в Одессу, — продолжил он уже тише, — у меня за душой была только пустая однокомнатная квартира со старой мебелью и один-единственный человек, которому я мог доверять. Мой лучший друг детства. Мы выживали как могли. В какой-то момент решили, что в провинции ловить нечего, и рванули покорять Москву. Столица тогда была дикой, голодной и опасной. Время возможностей и быстрых смертей. Мы пошли разными дорогами. Я окунулся в легальный бизнес, крутился как проклятый, не спал сутками. А он… он выбрал криминал. Ему казалось, так быстрее. Его застрелили на пороге собственного дома. А у меня… у меня получилось то, что ты видишь сегодня. Наверное, повезло. Или я оказался более живучим.

Он горько усмехнулся, глядя куда-то сквозь Машу.

— Ах да, чуть не забыл излюбленную тему наших офисных сплетниц. — Лернер снова вернул привычную маску уверенного в себе мужчины. — Не женат. И никогда не был. Отношения, конечно, случались, и яркие, и долгие. Но как только заходила речь о свадьбе, я понимал: женщины видят во мне не меня, а безопасность, статус, деньги. В какой-то момент мне просто надоело играть в эту имитацию чувств.

Он резко сменил тон на более тёплый и снова приподнял бокал, выводя Машу из оцепенения:

— Ну ладно, заждалась твоя паста. Давай, Машенька, выпьем за то, чтобы прошлое оставалось в прошлом. А будущее… будущее пусть будет таким, каким мы сами захотим его построить.

Они выпили.

— Так вы, получается, совсем один, Сергей Сергеевич?.. — тихо произнесла Маша.

— У меня всё есть, Машенька, — с улыбкой ответил Лернер. — Меня не нужно жалеть.

— Всё… и никого, — прошептала она.

Лернер понимал, что она попала в самую точку, но что он мог ей возразить?

— Машенька! — нарочито непринуждённо сменил он тему. — Как ты насчёт десерта? Тут прекрасный выбор.

— Сергей Сергеевич, вы хотите, чтобы я лопнула? — рассмеялась Маша. — Вы меня закормили деликатесами, я больше не могу!

— Ну тогда счёт, уважаемый, — обратился Лернер к словно выросшему из-под земли официанту.

— Сергей Сергеевич, вы действительно мне верите? Что я не хотела вас соблазнять? — неожиданно спросила Маша.

— Машенька, мне пятьдесят три года, а тебе двадцать три. Поверь, за эти годы я научился не путать мимолётные эмоции с чем-то серьёзным. Поэтому можешь не переживать: я не искал в твоём поступке скрытого умысла. Я верю, что ты говоришь правду.

Лернер заметил, как Маша отвела взгляд. На её лице промелькнуло что-то похожее на разочарование, но лишь на мгновение. Она быстро взяла себя в руки и вновь потянулась к

бокалу. По её реакции он понял, что его слова достигли цели. В этот момент официант принёс счёт. Лернер, даже не взглянув на сумму, протянул ему кредитку. Тот принял её и удалился.

Маша допила вино, Лернер последовал её примеру. Когда официант вернулся, Лернер забрал карту и протянул ему три пятитысячные купюры.

— Спасибо большое! — просиял тот, мгновенно спрятав чаевые в карман.

— Вам спасибо, — ответил Лернер и поднялся из-за стола.

Маша тоже встала. Попрощавшись с подскочившим к ним администратором, они вышли на улицу. Лернер махнул рукой стоявшему неподалёку Марату, и через минуту лимузин плавно подкатил к крыльцу.

— Садись, Машенька, — сказал Лернер, пока водитель придерживал дверь. — Марат отвезёт тебя домой.

— А вы, Сергей Сергеевич? — хором спросили Маша и водитель.

— А я пройдусь пешком.

— Но, Сергей Сергеевич… — начал было Марат.

Лернер строго перебил его:

— Марат, ты же знаешь: по пробкам мы будем ехать дольше, чем я идти пешком. Машенька, меня завтра в офисе не будет, у меня выходной. Так что весь кабинет в твоём полном распоряжении.

Маша загадочно улыбнулась и села в машину. Водитель закрыл за ней дверь.

— Марат, завтра в восемь утра будь у меня, — распорядился Лернер.

Тот кивнул и сел за руль. Машина уехала. Лернер глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух, поправил пиджак и неспешно зашагал по переулку, наслаждаясь тишиной.

Глава 3

Лернер, ступая между хлюпающих луж, неспешно двигался по переулку. Он пытался собрать мысли и подвести черту под сегодняшним днём, который, стоило признать, выдался необычным. И виной тому была Маша. Ни утренняя хандра, ни волнения из-за важнейшего отчёта для министра не шли ни в какое сравнение с её беспрецедентной выходкой. Он снова вспомнил, как вошёл утром в кабинет и обнаружил совершенно нагую помощницу, безмятежно восседавшую на его кожаном диване. Лернер рассмеялся в полный голос, спугнув тишину ночного переулка. Вспомнить без улыбки это было невозможно. Её глаза тогда не выражали ни стыда, ни страха — только лёгкую, едва уловимую насмешку. «Картина, Сергей Сергеевич, — сказала она тогда абсолютно невозмутимо. — Она меня заворожила». Утром он отмахнулся, списав всё на девичью глупость, но теперь, после её ресторанного признания, всерьёз задумался. Слишком уж уверенно она держалась для спонтанной импровизации. Шальная игра, в которую её подталкивала тётка, обернулась для Маши чем-то личным. Как бы то ни было, своей главной цели Лернер достиг — он хотел снять возникшее между ними напряжение, и это получилось. Они прекрасно поужинали, откровенно поговорили и расставили точки над i. Но как же она, чёрт возьми, хороша! И этот её острый, цепкий ум… Лернер свернул на шумную, залитую огнями Тверскую.

Он остановился перед витриной модного ателье. Образ Машеньки — дерзкий, шокирующий — преследовал его, будоража кровь. Эта девчонка, словно вихрь, ворвалась в его размеренную жизнь. Лернер честно признавался себе, что очарован. Но одновременно с этим азартом внутри крепли тревога и въевшееся с годами недоверие. Дело было не только в её безупречной красоте, хотя она, безусловно, впечатляла. В Маше пульсировала какая-то первозданная энергия, обезоруживающая непосредственность. Лернер — человек привычки, жёсткой дисциплины и тотального контроля — вдруг отчётливо осознал, как его тщательно выстроенный, стерильный мир даёт трещину. А может, именно это ему сейчас и было нужно? Он вспомнил свою утреннюю хандру, серую, удушающую скуку человека, у которого есть всё. Острые чувства, эмоциональная встряска, глупое подзабытое желание удивлять — возможно, в этом и крылось его спасение? Молодая красавица, заставляющая тебя снова жить полной жизнью, чувствовать каждый вдох. Но искренна ли она с ним? Вот в чём главный вопрос. «О чём я думаю, господи? — Лернер внезапно спохватился, тряхнув головой. — Ей двадцать три. Боже, всего двадцать три. Тридцать лет разницы… Я наверняка старше её отца. Н-да, старый дурак». Тверская, обычно бурлящая и многолюдная, сегодня казалась притихшей, словно город тоже замер в ожидании перемен. Лернер стоял у стекла, вдыхая сырой ночной воздух. Он думал о том, как легко потерять власть над собственной жизнью, стоит лишь впустить в неё чувства. И как опасно поддаваться искушению, когда оно манит тебя с такой первобытной силой. Сделав глубокий вдох, Лернер решительно двинулся дальше, оставляя позади и сияющую витрину ателье, и свои опасные размышления. Этот день действительно выдался необычным.

Погружённый в свои мысли, он не заметил, как дошёл до дома. Вошёл в вестибюль, привычно кивнул консьержу и поднялся на лифте в свою квартиру. В последнее время Сергей Сергеевич жил здесь постоянно, а в роскошном загородном особняке почти не появлялся. Двести метров элитного жилья в двух шагах от Красной площади его вполне устраивали. Переодевшись в домашнее, он налил себе немного коньяка и сел на диван. Взгляд упал на календарь. Завтра годовщина смерти Карася — его единственного друга, с которым они когда-то приехали из Одессы покорять столицу. Алексей Карасёв, известный в криминальных кругах как Лёха Карась, был застрелен на пороге собственного дома. Двенадцать лет — срок немалый, но пустота, оставленная его гибелью, не заполнилась. «Вот тогда-то я и остался совсем один», — подумал Лернер, глядя на янтарную жидкость в бокале. «Всё… и никого» — всплыли в памяти

тихие, точные слова Маши. Эта девчонка упрямо не шла у него из головы. Он сделал глоток и прикрыл глаза. Это же какой безбашенной нужно быть, чтобы раздеться догола прямо в кабинете начальника! Даже если её оправдания про картину и ранний визит шефа были чистой правдой. В её поступке сквозило верховное безрассудство, но в этой дикой смелости крылся вызов. Она шла напролом, совершенно не боясь последствий. И именно это, как ни странно, вызывало у Лернера глубокое уважение. В её глазах горела искра, которую он сам давно потерял в рутине большого бизнеса. Маша работала у него уже два месяца, но только сегодня, после её сумасшедшей выходки и откровенного разговора в ресторане, он по-настоящему разглядел её. Рядом с ним находился человек, чья внутренняя энергетика казалась странно, до боли знакомой. Лернер замер с бокалом у губ. Внезапная догадка заставила его сердце забиться быстрее. Кого-то эта девочка ему определённо напоминала.

Он откинулся на спинку дивана. В дерзости Маши, в готовности идти напролом он неожиданно разглядел отголоски безумного драйва, который когда-то связывал их с Лёхой. Лернер перевёл взгляд на небольшую фотографию, стоявшую на рабочем столе в углу комнаты. Лёха — широко улыбающийся, с дерзким блеском в глазах, а рядом с ним — молодая, полная надежд и амбиций версия самого Лернера. Снимок всегда вызывал у него сложную смесь ностальгии и горечи. После встречи с Машей Сергей Сергеевич увидел в старом фото нечто большее. Оно напоминало о том, кем он был когда-то, и намекало на то, кем он ещё может стать, если осмелится снова рискнуть. Завтрашний день обещал быть трудным. Двенадцать лет без Карася. Годовщина. Но, возможно, именно этот день в сочетании с появлением Маши станет катализатором, который вытолкнет его из затянувшегося одиночества. Лернер закрыл глаза, чувствуя, как алкоголь приятно туманит сознание. И в этом коньячном забытьи сквозь черты Маши вдруг проступил другой образ — рыжеволосая девушка, словно спустившаяся к нему из далёкого прошлого. Милое круглое лицо, распахнутые зелёные глаза и забавные, слегка оттопыренные уши в обрамлении непослушных рыжих кудрей. Девушка весело смеялась и, протягивая к нему руку, звала за собой. «Катя…» — едва слышно прошептал он. Катя. Его Катя, которую он не видел уже целую вечность. Они расстались очень давно, каждый пошёл своим путём, но память о ней осталась в самом надёжном тайнике его сердца. Её улыбка мгновенно перенесла его назад, в те времена, когда их смех звучал в унисон, а взгляды говорили больше любых слов. Маша не была похожа на Катю внешне. Но в их энергетике, в их чистой, первозданной живости, которая так пугала и одновременно манила Лернера, было что-то пугающе общее.

Образ рыжеволосой Кати причудливо смешивался с образом Маши. В её лице, смехе, мимике он внезапно уловил едва заметные отголоски той далёкой, потерянной любви. Это было странное, почти мистическое сходство, сбивающее с толку и одновременно вызывающее острое, щемящее чувство. Перед глазами поплыли картинки из юности. Вот они с Катей катаются на катере вдоль черноморского побережья. Вот гуляют по залитым солнцем одесским улочкам, и их звонкий смех разносится эхом по мощёным переулкам. Лернер вспомнил её крошечную каморку на Одиннадцатой станции Большого Фонтана. Сколько времени они провели там вдвоём! Как отчаянно любили друг друга, как им было хорошо на старой, облупившейся веранде под шум прибоя… Жизнь безжалостно развела их, оставив на память лишь обрывки воспоминаний да призрачный силуэт. Теперь, спустя долгие годы, этот силуэт внезапно ожил в Маше. В помощнице было что-то такое же солнечное, дерзкое и неукротимое, как в его Кате. Та же обезоруживающая искренность во взгляде, та же беззаботность в улыбке. Лернер почувствовал, как в глубине души пробуждаются давно похороненные чувства, смешиваясь с новой, ноющей тоской. Он крепче закрыл глаза, позволяя себе окончательно погрузиться в туманный мир грёз — мир, где прошлое и настоящее сплетались воедино, а Катя и Маша становились неделимым целым. Он прекрасно понимал, что это лишь иллюзия, порождённая крепким

алкоголем и нахлынувшей ностальгией. Но у него не было ни сил, ни желания сопротивляться этому спасительному забвению.

Коньяк помог ненадолго сбежать от реальности, но не от чувств. Они никуда не уходили — лишь ждали своего часа, чтобы вновь вспыхнуть ярким пламенем. Но внезапно сквозь зыбкие видения женщин проступил другой силуэт. Лернер увидел Лёху. Карась лежал на лестничном пролёте возле дверей собственной квартиры, уставившись в потолок остекленевшим взглядом. Из аккуратной чёрной дырки у него во лбу медленно струилась кровь. Лернер резко открыл глаза и сел на диване, тяжело и шумно дыша. Сердце бешено колотилось в грудную клетку. «Если продолжу пить, вообще утром не встану, — хрипло приказал он самому себе. — Надо принять душ и лечь по-человечески». Стряхивая остатки кошмара, Сергей Сергеевич ощутил, как липкий холодный пот стекает по спине. Он скинул туфли, затем носки. Прохладный паркет под босыми ногами неприятно ожёг кожу, но подействовал отрезвляюще. Каждый шаг до ванной давался тяжело, словно ноги налились свинцом. Видение Лёхи с этой нелепой, страшной раной преследовало его, заставляя внутренности сжиматься от глухого, ещё не до конца осознанного страха. Дверь в ванную открылась с негромким скрипом, под ногами блеснул холодный кафель. Лернер включил душ и дождался, пока горячая вода заполнит кабину плотными клубами пара. Он надеялся, что этот пар смоет не только дорожную пыль, но и внезапно ожившее липкое чувство вины. Стоя под тугими струями, он закрыл глаза, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Вода возвращала контроль над телом, но образ убитого друга всё равно не отступал, маяча на периферии сознания. Устало вытершись жёстким полотенцем, Лернер прошёл в спальню. Он посмотрел на огромную, идеально заправленную постель, которая сейчас казалась ему бесконечно далёкой, чужой и холодной. Сил и желания забираться под одеяло не было. Вместо этого он взял тяжёлый шерстяной плед, вернулся в гостиную, бросил его на диван и тяжело опустился на подушки. В темноте перед глазами по-прежнему мерцал призрачный силуэт Лёхи Карася. Лернер уставился в тёмный потолок, гадая, был ли это просто пьяный кошмар перед тяжёлой годовщиной или последнее запоздалое предупреждение?

Глава 4

Лернер проснулся от настойчивого прикосновения: Марат осторожно, но твёрдо тряс его за плечо. Водителю было дано строгое указание: если хозяин не появляется в назначенный час, сначала звонить; если звонок остаётся без ответа — подниматься и открывать дверь своим ключом.

Лернер доверял Марату безмерно. Возможно, он был единственным человеком в мире, на которого Сергей Сергеевич мог положиться безоговорочно. В этом доверии не было наивности — оно выросло из многих лет совместной работы, из десятков ситуаций, когда Марат доказывал свою преданность не словами, а делами.

— Сергей Сергеевич, просыпайтесь, — негромко произнёс Марат. — Вы просили разбудить. Собирались на кладбище.

Марат служил у Лернера уже пятнадцать лет. Он прекрасно помнил Карася — человека, который когда-то и привёл его в этот дом. В памяти Марата Лёха Карась остался высоким, широкоплечим, с всегдашней ироничной усмешкой и озорными искорками в глазах.

Лернер с трудом разлепил веки.

— Да-да, Марат, встаю… — пробормотал он. — Прости, что заставил ждать. Приготовь пока кофе, пожалуйста.

Он чувствовал себя выжатым, словно тело внезапно стало чужим и неповоротливым. Но мысль о предстоящем визите придавала сил — едва ощутимых, но необходимых. Призрак Карася, лежащего бездыханным на лестничном пролёте с простреленной головой, всё ещё витал в полумраке комнаты, будто напоминая: ты обещал помнить!

Кое-как поднявшись с дивана, Лернер подошёл к окну. Утро выдалось хмурым. Тучи сгрудились над городом плотной серой массой, предвещая затяжной дождь. Капли застучали по подоконнику — пока редкие, но с каждой секундой настойчивее. «Идеальная погода для траурных прогулок», — подумал он с иронией, чувствуя, как в груди снова сжимается знакомый комок боли.

Марат, по обыкновению, приготовил кофе. Бесшумно, словно тень, поставил чашку на столик и вышел, давая хозяину пространство для утренних мыслей. Лернер обхватил чашку тёплыми, чуть дрожащими руками. Первый обжигающий глоток немного вернул его к жизни, а терпкий запах жареного кофе пробудил воспоминания о других утрах — тех, когда Лёха, бывало, вваливался без предупреждения и орал: «Серёга, поднимай свою ленивую задницу, будем завтракать!»

— Карась… — прошептал Лернер, глядя в пустоту. Как давно это было. Давно он не навещал друга. Ровно год.

Он облачился в тёмный костюм, ощущая, как холодная ткань касается кожи. В опустошённой тишине дома каждый шорох казался усиленным, будто сам воздух застыл в ожидании. Ожидание встречи с прошлым было мучительным, но неотвратимым. Это был его ежегодный долг, его личный обряд — минута молчания у могилы, глоток водки «за упокой» и долгие минуты размышлений о том, как всё могло бы сложиться иначе.

— Марат, едем, — сказал Лернер, выходя в прихожую. Его голос звучал непривычно тихо, будто громкий звук мог расколоть это утро, как тонкое стекло. Марат молча кивнул, держа наготове в руках ключи. В подземном паркинге двигатель огромного чёрного автомобиля отозвался мощным басовитым рокотом. Машина плавно вырулила на улицу.

— Если без пробок, минут за сорок доберёмся, — заметил Марат.

— Мы не спешим, — отозвался Лернер.

Автомобиль скользил по пустынным улицам. Начался дождь — сначала робкий, но быстро набравший силу. Крупные капли забарабанили по лобовому стеклу, размывая очерта-

ния города и превращая дома в призрачные фигуры. Лернер смотрел на мелькающие за окном деревья. Он чувствовал странную отстранённость.

Где-то на периферии сознания мелькнула мысль: «А что, если это и есть смерть? Не тело, а вот эта пустота внутри, когда всё становится серым и далёким?»

Как только Марат припарковался у ворот, дождь прекратился так же внезапно, как и начался — словно по команде.

— Вот и славно, — Марат заглушил мотор.

Лернер открыл холодильник в подлокотнике — там, где обычно лежало шампанское для встреч совсем иного рода, сегодня стояла запотевшая бутылка водки. Прихватив её, он вышел из машины.

Хованское кладбище встретило их унылым безмолвием. Намокшие кресты и надгробия тускло блестели под серым небом. Воздух был пропитан тяжёлым запахом сырой земли и прелых листьев, слышалось карканье ворон. Лернер шёл по аллее, чувствуя, как сырость пробирается под пиджак, а холод мрамора проникает в душу. Марат следовал за ним на почтительном расстоянии, не нарушая личного пространства скорби, но оставаясь начеку.

Наконец они остановились у внушительного монумента из розового гранита. Надпись гласила: Карасёв Алексей Петрович 1960—2001.

Лернер передал бутылку Марату. Тот привычным движением разлил водку по пластиковым стаканчикам. Один поставил на плиту, накрыв ломтиком чёрного хлеба. Второй протянул Лернеру. Этот печальный обряд был их неизменной традицией. Выпил молча.

— Марат, ты же свидетель, — наконец тяжело заговорил Лернер. — Сколько раз я его предупреждал? Просил, умолял… Говорил: «Остановись, Лёха, завязывай с криминалом. Девяностые кончились!» А он не слушал. Не хотел слушать. И вот результат — холодный камень и тире между датами.

Лернер сделал ещё глоток. Водка привычно разлилась по пищеводу, на мгновение согревая изнутри. Марат кивнул:

— Сергей Сергеевич, мы столько раз это обсуждали. Он всё понимал.

— Понимал он… — Лернер горько усмехнулся. — Помнишь, как он тебя ко мне привёл? Сказал: «Серёга, помоги пацану, спецназовец, отличный парень. Возьми к себе, а то у меня его точно грохнут».

— Меня бы в любом случае грохнули, если бы не вы, — тихо произнёс Марат и грустно улыбнулся.

— Ладно, не заводи свою шарманку. Наливай.

— Я за рулём, Сергей Сергеевич.

— Я заметил. Мне налей.

Марат наполнил стакан. Помолчав, он добавил:

— Не повезло ему в жизни. Не встретил он правильного человека.

— Ты о ком? — Лернер допил водку.

— О женщине.

— Ну, началось! — возмутился Лернер. — А я, по-твоему, встретил? А ты?

— Я встретил, — спокойно ответил Марат. — Просто потерял по собственной глупости. А вы, Сергей Сергеевич… вы просто другой человек.

— Слушай, философ! — вспылил Лернер. — Каждый сам выбирает свой путь. Лёха выбрал свой. Я предлагал ему десятки вариантов, он и слушать не хотел!

— Понимаю, — Марат поднял голову. В его глазах меланхолия теперь смешивалась с горькой проницательностью. — Каждый выбирает путь. Иногда человеку просто нужен кто-то рядом. Иначе заносит.

— Вот скажи мне, Марат, — не унимался Лернер, — вы с Карасём, когда в Афгане в «Вымпеле» были, тоже на везение рассчитывали или всё же на свои силы?

— Я не буду с вами спорить, Сергей Сергеевич. — На этот раз Марат улыбнулся почти по-доброму.

— Ну и ладно. Пошли, — Лернер тоже смягчился. — Повеселили мы тебя, Лёха, и хватит. Холодно у тебя тут.

Они медленно пошли к выходу, оставив початую бутылку на розовом мраморе.

Обратный путь проходил в тишине. Лернер глубоко погрузился в свои мысли, глядя сквозь стекло.

— Вас домой? — нарушил молчание водитель.

— Да, пожалуй… — Лернер очнулся, огляделся. — Стой! Тормози здесь! — вдруг резко выкрикнул он.

— Что случилось? — удивился Марат, мгновенно прижимая машину к обочине.

— Смотри, — Лернер указал на придорожную шашлычную, над которой вился аппетитный дымок. — Как ты насчёт мяса?

— Я бы не советовал, — пробормотал Марат, озадаченный такой переменой настроения.

— Пошли, советчик, — буркнул Лернер, выходя из салона.

Марат вздохнул и заглушил двигатель. Он знал: спорить бесполезно. Да и запах жареного мяса уже начал вызывать отчётливое урчание в желудке.

Заведение оказалось типичной «забегаловкой»: грубые столы под навесом, покрытые клеёнкой. Несколько деревянных скамеек — кое-где краска облупилась, обнажая потемневшее от времени дерево.

Из-под навеса доносился аппетитный запах дымка и жареного мяса, смешиваясь с влажным воздухом после дождя. Лернер на мгновение замер, вдыхая этот аромат — такой простой, земной, совсем не похожий на стерильный запах его офиса или дорогого ресторана. В этом запахе было что-то первобытное, почти забытое: костёр, охота, выживание.

— Ну что, идём? — Лернер обернулся к Марату, и в его глазах мелькнуло что-то новое — не скорбь, не усталость, а едва заметный огонёк любопытства.

— Как скажете, Сергей Сергеевич, — Марат пожал плечами, но и сам невольно втянул носом воздух. — Только… может, всё же где-то поприличнее?

— Приличнее будет завтра, — отрезал Лернер. — А сегодня я хочу именно этого. Настоящего. Без позолоты и церемоний.

Они подошли к столику у края навеса. Лернер окинул взглядом заведение: грубо сколоченные столы, покрытые клеёнкой с выцветшим узором, пара усталых официанток в застиранных фартуках, дымящий мангал, вокруг которого суетился коренастый мужчина в засаленном фартуке. Всё это выглядело до неприличия просто, от чего Лернер давно отвык. Но именно эта простота и притягивала.

— Что брать будем? — он изучил меню, написанное от руки на картонке. Буквы слегка расплылись от сырости, но названия блюд читались отчётливо: «шашлык из баранины», «шашлык из свинины», «люля-кебаб», «овощи на гриле».

— Сергей Сергеевич, вы уверены? — Марат всё ещё пытался возразить, но уже без прежней настойчивости. — Может, в проверенное место?

— Уверен. Иногда нужно отступать от правил. Что может быть лучше спонтанного шашлыка? Особенно после кладбища. Это как… перезагрузка.

Марат усмехнулся:

— Перезагрузка, значит?

— Именно. Жизнь не должна быть чёрно-белой.

Пока ждали заказ, Лернер выглядел расслабленным. На губах его играла лёгкая улыбка — редкая гостья в последние годы. Он смотрел на капли дождя, стекающие по краю навеса, на клубы дыма от мангала, на усталую официантку, которая с трудом тащила поднос с тарелками.

Марат наблюдал за ним, пытаясь разгадать причину этой внезапной эйфории. Возможно, это была просто усталость от вечного официоза, от бесконечной череды встреч, договоров, решений. А может, в этой скромной шашлычной Лернер увидел что-то, что напомнило ему о важном, давно забытом — о времени, когда жизнь была проще, радость — доступнее.

Шашлык, вопреки опасениям, оказался великолепным: сочным, ароматным, с правильным привкусом дымка. Мясо таяло во рту, а маринад придавал ему особую пикантность. Они ели молча, наслаждаясь моментом. Лернер отложил вилку, сделал глоток холодного чая и глубоко вдохнул. Впервые за долгое время он чувствовал себя… живым.

— Сергей Сергеевич, можно личный вопрос? — решился Марат, доедая последний кусочек мяса.

— Валяй, — отозвался Лернер, расправляясь с куском лепёшки.

— Мария, ваша новая помощница… Вам она не кажется странной?

Лернер насторожился, но не резко, как раньше, а скорее задумчиво. Он отложил салфетку, откинулся на спинку стула и посмотрел на Марата в упор:

— Странной? В чём именно?

— Не то чтобы странная… — Марат подбирал слова, глядя куда-то за спину Лернера. — В ней есть какая-то внутренняя сила. Необычная. Она не суетится, не пытается угодить, как другие. Держится спокойно, уверенно. И смотрит на вас… не так, как остальные.

— А как именно? — Лернер подался вперёд.

— Будто видит вас насквозь. Но не с восхищением или страхом, а с каким-то… пониманием.

И это не взгляд влюблённой девицы, нет. Это взгляд хищницы, оценивающей добычу. И в то же время — с расчётом. Как будто она знает, что будет дальше. Наверное, это хотел сказать Марат.

Лернер медленно отставил стакан с чаем. В его глазах мелькнуло что-то похожее на тревогу, но он быстро взял себя в руки.

— Устал ты, Марат, — мягко сказал он. — Вот и мерещится всякое. Маша напоминает мне одну давнюю знакомую. Из далёкого прошлого. Только та была рыжей, я её ласково Огоньком звал. Добрая она девчонка, эта Маша. Не думаю, что она замышляет дурное.

— Я и не говорю, что дурное, — возразил Марат. — А может, именно такая вам и нужна? Молодая, красивая… Кстати, у Карася ведь тоже была какая-то знакомая, которую он звал Огоньком. Помнится, он сам её так прозвал.

«За мной повторял», — подумал Лернер, но вслух сказал:

— Ладно, поехали. Хочу отдохнуть, завтра сложный день.

Он расплатился, оставив официантке чаевые в три раза больше счёта, и они вышли к машине. Женщина проводила их удивлённым взглядом — видимо, нечасто сюда заходили клиенты с такими щедрыми привычками.

Дороги были скованы глухими пробками. Путь домой занял полтора часа. Лернер провалился в дремоту. Во сне ему явилась Катя: она то заливисто смеялась, запрокинув голову, то вдруг вспыхивала яростью, но слов было не разобрать. Её ярко-рыжие кудри весело подпрыгивали на ветру, а глаза — такие живые, такие яркие — смотрели на него с укором или с любовью, он не мог понять.

Дома его встретила звенящая тишина пустой квартиры. Скинув одежду, Лернер опустился в кресло. Сон был таким ярким, что казалось, он всё ещё слышит Катин смех, чувствует прикосновение её рук. Но это прошлое было бесконечно далёким, словно другая жизнь.

Он принял душ, переоделся и устроился на диване с книгой. Тревожные образы начали постепенно меркнуть, уступая место покою. Часа через два Лернер стал клевать носом, но вдруг тишину разрезала телефонная трель. На экране высветилось: «Маша».

— Машенька, добрый вечер, — голос Лернера мгновенно стал бодрым, хотя ещё секунду назад он почти спал.

— Добрый вечер, Сергей Сергеевич! — отозвался весёлый девичий голос. — Не забыли? Завтра в девять подписание договора.

— Конечно, не забыл, — ответил Лернер.

— Все документы я подготовила, договор готов к подписанию, — бодро отчиталась Маша.

— Умница, — искренне похвалил Лернер. — Я и не сомневался в тебе.

Вдруг Маша понизила голос до шёпота:

— Сергей Сергеевич… я сегодня работала в нашем кабинете одна. И весь день провела в том самом виде, в котором вы застали меня вчера.

Лернер замер. В голове крутились вопросы «зачем?», «к чему это сказано?», но вслух он лишь прохрипел:

— Тебе… не было холодно?

— Это всё картина, Сергей Сергеевич. Она сведёт меня с ума. — Маша проигнорировала его вопрос.

— Ладно, — выдохнул он. — С картиной разберёмся.

— Вы на меня не злитесь? — голос девушки слегка задрожал.

— Конечно нет. Работу ты сделала прекрасно, а в каком виде — это неважно. Отдыхай. Встретимся утром.

— Хорошо. До свидания.

Лернер нажал отбой. Книгу в этот вечер он больше не открывал. Он подошёл к окну, смотрел на город, который медленно погружался в ночь. В голове роились мысли — о Карасе, о Маше, о Кате, о том, что жизнь, оказывается, может преподнести сюрпризы даже тогда, когда ты уже готов смириться с её предсказуемостью.

Глава 5

Ровно в восемь утра следующего дня, отпустив машину с водителем, Лернер шагнул в просторный вестибюль офисной башни. В этот момент зазвонил телефон. Маша. Она сообщила, что представители господина Чена звонили и подтвердили: они прибудут ровно в девять, как и было условлено.

— Спасибо, Машенька, время у нас пока есть, — ответил он, на секунду погрузившись в раздумья, а затем продолжил: — Я внизу, в вестибюле. Спускайся, выпьем кофе для начала, потом поднимемся встречать китайскую делегацию.

— Сергей Сергеевич, боитесь застать меня в неподобающем виде? — промурлыкала Маша.

Наступила напряжённая тишина. Лернер на мгновение замер, невольно представив, как Маша, возможно, сейчас стоит у зеркала и улыбается своей шутке. Но в голове уже звучала тревога: что за этим кроется?

— Простите, Сергей Сергеевич… — прервала молчание Маша. — Хотела пошутить, получилось неудачно. Я уже спускаюсь.

Через несколько минут в вестибюле появилась Маша. На ней был строгий брючный костюм тёмно-зелёного цвета, дополненный изящными чёрными туфлями на невысоком каблуке. Её льняные волосы были аккуратно собраны в классический хвост и украшены массивной заколкой изумрудного оттенка.

— Доброе утро, Машенька! — поприветствовал Лернер.

— Доброе утро, Сергей Сергеевич! — улыбнулась Маша, и её улыбка, казалось, осветила пространство.

Они направились в кафетерий, расположенный в вестибюле башни. Лернер заговорил первым:

— Маша, я ничего не боюсь. Просто хочу выпить кофе здесь, в кафе, а не у себя за столом.

— А я просто неудачно пошутила, — парировала Маша. — Но после подписания сделки мне нужно будет с вами обязательно поговорить об этой картине, потому что это ненормально. — Её голос звучал совершенно серьёзно.

Лернер внимательно выслушал её и ответил:

— Без проблем. А сейчас — кофе.

Они взяли кофе у стойки — чёрный эспрессо для Лернера и капучино с корицей для Маши — и уселись за угловой столик, откуда открывался вид на поток деловых людей. Лернер сделал первый глоток и откинулся на спинку кресла. Атмосфера вестибюля пульсировала: лифты с тихим звоном открывались и закрывались, огромные панорамные окна пропускали утреннее солнце, отбрасывая золотистые блики на мраморный пол.

— Расскажи-ка подробнее о китайской делегации, — попросил Лернер, постукивая пальцами по чашке.

Маша кивнула, доставая из сумочки планшет.

— Господин Чен — глава торгового холдинга «Хун Лиан» из Шанхая. С ним два топ-менеджера и юрист. По плану должна быть презентация, переговоры, подписание. Но так как всё уже согласовано и все со всем согласны, остались только подписание — вы и господин Чен.

Лернер улыбнулся уголком рта.

— Хорошо. Ты молодец, что всё подготовила. А эта картина… Что с ней не так? Не томи, Маша.

Маша покачала головой:

— После, Сергей Сергеевич. Обещаю, это важно. Но сейчас — делегация.

— Машенька, ты знаешь, эту картину мне подарил именно господин Чен во время прошлой нашей сделки полгода назад, — заметил Лернер.

Маша кивнула и задумчиво произнесла:

— Мне и раньше было интересно на него посмотреть, а сейчас — вдвойне.

Часы показывали восемь сорок пять. Они поднялись, оставив на столе пустые чашки. В лифте Маша поправила заколку, Лернер проверил галстук. Двери открылись на пятьдесят втором этаже, где их ждал конференц-зал с видом на город. Представители Чена уже входили: трое мужчин в безупречных костюмах, с кожаными портфелями и вежливыми улыбками.

Лернер шагнул вперёд, протягивая руку:

— Добро пожаловать, господа!

После рукопожатий все прошли на свои места. Представители «Берега» уже были за столом: главный бухгалтер, два юриста, два топ-менеджера и два капитана контейнеровозов, о которых и шла речь в сделке. Маша заняла крайнее место за столом. Лернер остался стоять в ожидании Чена.

Ровно в девять часов глава китайской делегации появился. Лернер вышел ему навстречу и протянул руку.

— Добро пожаловать в Москву, дорогой друг! — произнёс он, и в его голосе звучало не только уважение, но и тепло.

Перед ним стоял мужчина небольшого роста, средних лет, облачённый в строгий чёрный костюм, который, казалось, был частью униформы его делегации.

Господин Чен, с лёгкой, но ощутимой энергией, пожал руку Лернеру.

— Рад снова видеть тебя, Сергей, — произнёс он по-русски, с лёгким, узнаваемым акцентом.

Секунда — и они уже обнимались, словно старые друзья, а не деловые партнёры. Они прошли к стоявшему на небольшом возвышении столу, на котором лежали папки с договорами.

Лернер обратился к присутствующим:

— Сегодня мы собрались здесь не просто ради цифр и контрактов. Мы строим мосты между нашими странами, между нашими культурами. И я уверен, что вместе мы сможем достичь новых высот.

Глава китайской делегации улыбнулся и ответил:

— Ваша уверенность вдохновляет, Сергей. Мы готовы к открытому диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству.

Под аплодисменты лидеры делегаций торжественно подписали документы и обменялись папками. Вновь зазвучали аплодисменты. Затем с короткими обращениями выступили Лернер и Чен.

После них к присутствующим обратилась Маша, объявив, что скоро придёт легенда компании «Берег», Валентина Петровна Тарасова, чтобы провести экскурсию для китайских друзей, в двенадцать часов состоится торжественный обед в ресторане на семьдесят втором этаже башни.

Лернер и Чен беседовали у панорамного окна с чудесным видом на город, когда к ним подошла Маша.

— Извините, что прерываю, — обратилась она. — Сергей Сергеевич, я пойду в офис, мне нужно кое-что закончить.

— Хорошо, Машенька, конечно, иди. Я тоже сейчас подойду, — ответил Лернер.

Когда он вошёл в свой кабинет, Маша сосредоточенно печатала на компьютере.

— Маша, сейчас сюда зайдёт Чен, — сказал он. — Ты, пожалуйста, не обращай на нас внимания, занимайся своими делами.

— Как скажете, Сергей Сергеевич, — ответила Маша, не отрывая взгляда от монитора.

Лернер присел в кресло, наблюдая за тем, как Маша ловко управляется с клавиатурой. Её пальцы порхали над клавишами, лицо сосредоточенно. В воздухе витал едва уловимый аромат кофе, который она, видимо, принесла с собой.

Вскоре в кабинет вошёл Чен. Его шаги были тихими и уверенными, в руках он держал плоский свёрток. Он кивнул Лернеру и занял предложенное кресло. Не произнеся ни слова, он с удивлением посмотрел на Машу. Маша, как и было обещано, продолжала работать, лишь изредка поднимая глаза, чтобы проверить время на настенных часах.

Заметив взгляд Чена, Лернер с улыбкой произнёс:

— Это моя помощница. Можешь говорить при ней, мы — одна команда.

— Нет проблем, Сергей, как скажешь, — улыбнулся в ответ Чен.

— В прошлый свой визит, — неспешно начал Чен, — я подарил тебе картину известного китайского художника. Вижу, что ты оценил мой подарок по достоинству — он украшает твой кабинет. Сегодня я хочу преподнести тебе ещё одну работу этого мастера.

И Чен развернул свёрток. Там оказалась картина в том же стиле и в тех же тонах, что и предыдущая. На ней была изображена обнажённая девушка, сидящая на кушетке вполоборота, спиной к зрителю. Лернер на мгновение задержал дыхание — он сразу понял скрытый смысл подарка. От напряжения Маша перестала дышать за своим монитором.

Лернер, как будто бы ожидая чего-то подобного, с восторгом сказал:

— Спасибо огромное, мой дорогой друг, ты меня балуешь! — и хотел было продолжить, но Чен его остановил:

— Прежде чем ты задашь мне логичный вопрос, — сказал он, — я хочу тебе сообщить, что обе эти картины написал мой родной брат. — Он внимательно посмотрел на Лернера, на лице которого застыло неподдельное удивление. Маша за монитором ловила каждое слово гостя.

— Да-да, — продолжил Чен, — мой брат и есть тот самый известный художник. Как я понимаю, ты хочешь спросить, почему я дарю тебе картины с обнажённой натурой?

— Думаю, что я понимаю почему, — ответил Лернер спокойно.

— Ну-ка, это интересно, — сказал Чен и приготовился слушать. Лернер улыбнулся:

— В отличие от Европы, где обнажённое тело было центральной темой со времён Античности, в Китае оно не приветствовалось совсем и даже считалось дурным тоном. Сегодня мало что поменялось: да, существует, конечно, в современном Китае и эротика, и даже порнография, но они под строжайшим запретом. Поэтому подобные картины даже популярного художника не имеют шансов быть представлены публике — и это в лучшем случае. В худшем они принесут автору серьёзные неприятности.

Лернер сделал небольшую паузу, вспоминая историю китайской живописи. Затем добавил:

— Возьмём, к примеру, традиционную живопись гохуа. В ней всегда воспевалась гармония природы, утончённость линий, символика бамбука или сливы. Но никогда — человеческое тело как объект эстетического восхищения. Даже в эпоху династии Тан, когда культура переживала расцвет, нагота оставалась табу. Это фундаментальное отличие мировоззрений восточного и западного. Мой дорогой друг, ты решил передать эти картины мне, зная, что я большой ценитель китайского искусства, отнесусь к ним очень бережно.

Чен улыбнулся и хлопнул ладонью по столу:

— Браво, браво! Ты не только ценитель китайского искусства, но и очень умный человек.

— Благодарю, мистер Чен! — скромно ответил Лернер.

Протянув Лернеру руку, Чен добавил:

— Я, пожалуй, присоединюсь к своим коллегам на экскурсии.

Лернер пожал ему руку и ещё раз поблагодарил за щедрый подарок.

— Увидимся на обеде, друзья! — сказал Чен и, помахав Маше рукой, вышел из кабинета.

Маша встала из-за монитора и подошла к картине, стоящей на полу у кресла, в котором сидел Лернер. Глазами, полными восхищения, она смотрела как зачарованная на обнажённую девушку, сидящую к ней спиной. На мгновение её взгляд затуманился, а пальцы слегка дрогнули — словно она хотела прикоснуться к полотну, но сдержалась.

— Что скажешь, Машенька? — спросил Лернер, внимательно наблюдая за её реакцией.

Маша медленно повернулась к нему. Её голос звучал чуть хрипло:

— Я никогда не думала об этом с такой стороны. Для меня искусство всегда было чем-то само собой разумеющимся, чем-то, что можно свободно показывать и обсуждать.

— И это прекрасно, — мягко ответил Лернер. — Но мир искусства многогранен, и каждая культура имеет свои особенности, свои негласные правила. То, что в одной стране считается нормой, в другой может быть под запретом. И задача истинного ценителя искусства не только находить шедевры, но и понимать контекст, в котором они были созданы, и трудности, с которыми столкнулся художник.

Он снова посмотрел на Машу, и в его глазах мелькнула искорка понимания.

— Ты тоже ценитель, Маша. Ты чувствуешь особую энергию, исходящую от этих работ.

Маша смущённо опустила взгляд и призналась:

— Сергей Сергеевич, я чувствую это слишком остро. Первая картина сводила меня с ума, но эта… эта ещё сильнее.

Лернер глубоко вздохнул. В этот момент он заметил, как Маша слегка побледнела, а её пальцы непроизвольно сжали край стола. Он понял: это не просто восхищение искусством.

— Машенька, давай поступим так, — медленно начал он. — Сейчас мы отправимся на обед с китайской делегацией, а после я увезу эти картины домой. Они больше не будут тебя тревожить. — Он сделал паузу. — Договорились?

Внезапно он заметил, что глаза Маши наполнились слезами.

— Нет, Сергей Сергеевич, — прошептала она сдавленным голосом. — Не забирайте их, пожалуйста. Не надо. Пожалуйста, Сергей Сергеевич, — повторила она с молящим взглядом.

Лернер смотрел на неё, пытаясь понять. В её глазах, помимо слёз, мелькало что-то ещё — смесь страха, желания и какого-то странного, почти болезненного восторга. Он видел, как дрожат её губы, как напряжены плечи. Это было не простое восхищение искусством, не эстетическое переживание. Это было что-то гораздо более глубокое, что-то, что задевало самые потаённые струны её души.

— Машенька! — мягко сказал он, подходя ближе и осторожно беря её за руку. Её пальцы были холодными. — Я не буду их забирать. Мне они здесь не мешают. Я думал, тебе будет легче без них, но раз ты так хочешь — пусть картины остаются здесь.

— Спасибо, Сергей Сергеевич, — всхлипнула Маша. — Я обязана разобраться с этой загадкой: в чём тут проблема — во мне или в картинах? Я ощущаю слишком сильное их влияние на меня, чтобы можно было просто не обращать внимания. — Её голос звучал уже намного увереннее.

— Вот так уже лучше, вот это конструктивный подход, — успокаивающе произнёс Лернер.

— Сергей Сергеевич, я сейчас приведу себя в порядок, и пойдём к китайцам. — Её голос был уже абсолютно спокоен.

Лернер кивнул, и она стала поправлять макияж.

— Сергей Сергеевич, как вы думаете, не будет ли с нашей стороны… — Маша запнулась, подбирая подходящее слово, — …некорректно расспрашивать мистера Чена, кого именно изобразил на своих полотнах его брат? Кто эти женщины? Может, он знает их или их историю?

— Обещаю: расспрошу Чена тихонько, чтобы никто не слышал, — сказал Лернер. — Но, честно говоря, сомневаюсь, что получу ответ. Вряд ли он что-то знает. Его брат должен знать,

кого изображал! Но мы не знаем, какие у него отношения с моделью, как картины вообще попали к мистеру Чену. — Он с улыбкой посмотрел на Машу.

Она улыбнулась в ответ:

— Спасибо большое, Сергей Сергеевич. Я готова. Мы можем идти.

Когда Лернер и Маша вошли в ресторан, обе делегации уже были в сборе. Чен и Лернер сидели рядом, разговаривали и много смеялись. Лёгкие закуски сменялись более сытными блюдами. Маша наблюдала за Лернером. Он, казалось, был в своей стихии: дружелюбно общался с мистером Ченом, время от времени бросая на неё одобрительные взгляды.

За соседним столом два юриста из китайской делегации оживлённо обсуждали что-то с капитаном контейнеровоза, жестикулируя и периодически кивая друг другу. Главный бухгалтер «Берега» угощал коллегу из Шанхая редким сортом зелёного чая, рассказывая о его происхождении.

Обед подошёл к концу. Мистер Чен поблагодарил радушных хозяев за безупречно организованную встречу и выразил уверенность, что ещё не раз посетит Москву, где так ценят и уважают его и его коллег.

Когда китайская делегация отбыла, а представители «Берега» разошлись, Лернер и Маша спустились в кафе в вестибюле. Там, как и утром, они заказали чёрный эспрессо для Лернера и капучино с корицей для Маши. Она невольно бросила взгляд в сторону лифта, будто ожидая, что Чен вдруг вернётся с новыми откровениями.

— Как вам обед? — осторожно поинтересовалась она.

— Отлично! По-моему, всё прошло на высшем уровне, — ответил Лернер.

— Вы спросили про картины? Что он вам ответил, Сергей Сергеевич? — нетерпеливо спросила Маша, заёрзав на стуле.

— Спросил, конечно, — отозвался Лернер. — Он сказал, что его брат — художник, человек со странностями, как и все творческие натуры, и мог выбрать себе в натурщицы кого угодно. Кем именно являются девушки с наших картин, он не знает, но кое-что у него для нас всё же есть. Сказал, что отправит мне кое-какие материалы на электронную почту. Какие — говорить отказался.

Маша выдохнула.

— Значит, будем ждать письма, — сказала она. — В этих картинах что-то есть, я это чувствую.

— Конечно есть, — улыбнулся Лернер. — Цена.

— Я знаю, я смотрела в интернете, — ответила Маша. — Картины этого художника уходят с аукционов по два-три миллиона долларов.

— По два-три миллиона уходят его простые работы, а эти, Машенька, как ты знаешь, не совсем простые, и их аукционную цену предугадать почти невозможно, — добавил Лернер.

Маша широко распахнула глаза, поражённая:

— Вот это да! Вот это действительно подарок!

— Ну, я же не собираюсь их продавать, и Чен это прекрасно понимает, — улыбнулся Лернер. — Хорошо, Маша, завтра мы обстоятельно разберёмся с этими картинами в моём кабинете. Думаю, письмо от Чена тоже будет завтра. Отдыхай. Завтра будет интересно, — сказал Лернер, поднимаясь из-за стола.

— Спасибо вам за всё, — произнесла Маша.

— Тебе спасибо, за прекрасно организованную встречу, — ответил Лернер и добавил: — Тебя отвезти?

— Нет, большое спасибо, я сама, — ответила Маша.

Глава 6

Лернер проснулся в восемь утра. Сегодня четверг, а значит, в офис он поедет позже. Первые часы каждого четверга он посвящал своему любимому ритуалу: неспешному изучению обзоров рынков и аукционов антиквариата и произведений искусства.

Он налил себе крепкий эспрессо, добавил немного коньяка, как всегда, и устроился в своём любимом кресле у окна. За окном начинался обычный городской день, но для Лернера это было время, когда мир сужался до экрана его планшета, где разворачивались истории давно ушедших эпох, где каждый мазок кисти или изгиб бронзы таил в себе загадку и обещание. Пролистывая страницы, он невольно вспомнил, как в юности впервые почувствовал эту магию. Тогда, на блошином рынке в Одессе, он купил за копейки старую гравюру с видом Петербурга XVIII века. Она была потрёпанная, с рваными краями, но в ней было что-то такое, что заставило его сердце забиться. «Вот оно», — подумал он тогда. С тех пор коллекционирование стало не просто хобби, а частью его жизни.

Лернер пролистывал страницы, вглядываясь в детали, отмечая тенденции, предвкушая будущие открытия. Иногда он делал пометки в своём блокноте, записывая имена художников, даты, предполагаемые цены. Это был не просто досуг, это была часть его жизни. Особое место среди других предметов коллекционирования у Лернера занимала филателия. В марки он влюбился ещё в детстве. Собирал по мере своих скромных на тот момент сил и бабушкиных подарков. Когда подрос, предприимчивый Серёжа на марках стал зарабатывать немаленькие на тот момент деньги: покупал подешевле, а продавал подороже — вот и весь бизнес, который в те годы назывался спекуляцией.

Надо отдать должное Серёжиному таланту: зарабатывал он не только на марках, но вообще на всём. С конца семидесятых годов Сергей покупал и перепродавал марки, монеты, книги, фарфор, картины, старинные иконы и вообще всё, что продают и покупают. Его жизнь была гармоничным сочетанием двух миров: мира бизнеса, где царили расчёт и стратегия, и мира искусства и истории, где властвовали красота и вдохновение. И теперь каждый четверг начиная с восьми утра он с удовольствием погружался в этот мир, который был ему так близок и дорог. Это было время, когда он чувствовал себя по-настоящему живым, когда его душа находила пищу для размышлений и радость от прикосновения к вечному. Закончив просматривать результаты аукционов за последнюю неделю и сделав пометки в блокноте, Лернер перешёл к каталогу аукциона предметов искусства, который состоится завтра в Москве и в котором он собирается принять участие.

Марат заедет за ним в десять, и ещё было время тщательно оценить каждый лот и определить цели. Сергей Сергеевич всегда подходил к аукционам с особой педантичностью. Для него это было целое искусство, требующее не только знаний, но и интуиции. Каждая вещь — будь то старинная монета с отпечатком времени или картина, хранящая дыхание мастера, — рассказывала свою историю. Он старался понять эту историю, почувствовать её, прежде чем решить, стоит ли вступать в игру.

Он пробежался по каталогу, выделяя лоты, которые могли бы украсить его коллекции. Его внимание привлекли несколько редких монет Российской империи, отличающихся сохранностью и исторической ценностью. Также его интерес вызвали фарфоровые китайские вазы XIX века. Но основной целью была, конечно, картина знаменитого грузинского художника, чьи работы редко попадают на аукционы. За этот лот он поборется — и посмотрим, кто сможет зайти в этой борьбе дальше него.

Он отложил каталог. Удовлетворение от предвкушения предстоящих событий наполняло его. Этот мир, мир коллекционирования, был его страстью, его призванием. И каждый четверг был для него настоящим праздником.

Собравшись и одевшись, Лернер взглянул в окно и увидел знакомую картину: его лимузин и неизменный водитель Марат, ожидающий у машины. Он вышел на улицу, открыл дверцу и сел внутрь.

— Доброе утро, Марат! — произнёс Лернер.

— Доброе утро, — ответил Марат, и автомобиль направился к офису группы компаний «Берег».

У Лернера была ещё одна четверговая традиция. В этот день, приезжая в башню, он никогда не спешил сразу в кабинет. Он начинал свой визит с особого ритуала — обхода всех офисов, отделов и подразделений своей империи.

Прибыв в здание, он не поднимался на свой шестьдесят восьмой этаж. Лифт доставлял его на шестьдесят четвёртый, откуда и начинался его путь. Офис за офисом, он неторопливо обходил каждый уголок, беседуя с сотрудниками, вникая в их работу, слушая их идеи и проблемы. И так шаг за шагом, по лестнице, он поднимался всё выше, пока не достигал своего кабинета на самом верху.

Этот ритуал был для него не просто традицией, а жизненно важной практикой, позволяющей оставаться в курсе событий, не отрываясь от реалий повседневной работы. Он верил, что истинное понимание состояния дел приходит не из отчётов и презентаций, а из живого общения, из возможности увидеть своими глазами, как функционирует каждый винтик его сложного механизма. Сотрудники, в свою очередь, ценили эти визиты. Они знали, что в четверг Лернер не просто пройдёт мимо, а остановится, задаст вопрос, выслушает. Это создавало атмосферу открытости и доступности, укрепляя их веру в то, что их труд важен и заметен.

Для многих это был шанс напрямую донести свои мысли до руководителя, минуя бюрократические ступени, и Лернер всегда был готов к таким диалогам, считая их бесценным источником информации и вдохновения. Он понимал, что именно в этих неформальных беседах часто рождаются самые ценные идеи и выявляются скрытые проблемы, которые могли бы остаться незамеченными в официальной переписке. Этот четверг не стал исключением.

В бухгалтерии жаловались на не работающий третий день кулер. В отделе продаж — на недостаточно агрессивный маркетинг, а в отделе маркетинга — на жуткий запах из туалета, из-за которого завяли цветы на этаже. В отделе кадров жаловались на биржу труда и бюро по трудоустройству, которые присылают исключительно недоумков.

В отделе логистики Лернер встретил очень общительную уборщицу, которая сказала, что те моющие средства, которые ей дают, скорее пачкают, чем моют. И только у самих логистов всё, как всегда, было в полном порядке.

Лернер, слушая жалобы, лишь качал головой, но в его глазах читалось понимание. Он знал, что каждая из проблем, как бы мала она ни казалась, вносила свой вклад в общую атмосферу и продуктивность. Кулер — это не просто вода, это комфорт сотрудников. Запах в туалете говорил о недосмотре и пренебрежении элементарным. А уж моющие средства… Лернер ухмыльнулся, представляя, как уборщица, с энтузиазмом рассказывающая о своих проблемах, пыталась оттереть очередное пятно.

Записав кулер и туалет в красный блокнот для дел на сегодня, он завершил обход и поднялся на шестьдесят восьмой этаж. Часы на стене напротив лифта показывали половину двенадцатого.

Подойдя к двери кабинета, Сергей Сергеевич, уже готовый взяться за ручку, внезапно замер. «А вдруг она там?..» — мелькнула тревожная мысль. Но, собравшись с духом, он напомнил себе: «В конце концов, это мой кабинет», — и решительно толкнул дверь.

За массивным столом, склонившись над клавиатурой, сидела Маша, увлечённо что-то печатая.

— Здравствуй, Машенька! — ласково поздоровался он.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич! — звонко откликнулась она.

Проходя за свой стол, он заметил, что обе картины стоят, прислонённые к креслу, лицом вовнутрь.

— Правильно, Машенька, ну их от греха подальше, — засмеялся Лернер.

Маша улыбнулась.

— Сергей Сергеевич, вы хотите, чтобы я повесила их на место? Нет проблем, но тогда я за себя не отвечаю.

— Нет-нет, Маша, ничего вешать не надо, пусть стоят. А то если ты опять будешь их повторять, боюсь, я работать не смогу, — ответил Лернер.

Маша лукаво посмотрела на него и громко рассмеялась.

— Сергей Сергеевич, вам чем-то помочь? Я всё закончила, — сказала она.

— Нет, Маша, сегодня мы будем с тобой заниматься исключительно картинами и твоей на них реакцией, — сказал Лернер, включая компьютер. — Я предлагаю, — продолжил он, — заказать нам еду на обед. Пока привезут, будет как раз. И мы сможем поесть, не отвлекаясь.

— Отлично! Я буду суши! — почти пропела Маша.

— Суши так суши. Закажи и мне такие же, как себе, — согласился Лернер.

Пока Маша оформляла заказ, Лернер сделал срочный звонок, отдавая распоряжения по поводу кулера и запаха из туалета.

— Всё готово, Сергей Сергеевич. Доставят через час, — сообщила Маша.

— Прекрасно. Ещё один вопрос, и мы начнём, — сказал Лернер, беря в руки телефон. — Алла Петровна, зайдите ко мне, пожалуйста, сейчас.

Через минуту в кабинете появилась женщина средних лет в несколько старомодном деловом костюме с причёской под Мирей Матье.

— Добрый день, Сергей Сергеевич, — сказала Алла Петровна.

— Да, проходите, — пригласил Лернер. — Переведите, пожалуйста, сто миллионов рублей с нашего резервного счёта на счёт благотворительного фонда «Берег». Как только поступит первый транш от «Хун Лиан», верните эту же сумму в резерв. Письменное распоряжение Маша вам сейчас отправит.

— Хорошо, Сергей Сергеевич, — ответила Алла Петровна. — Что-нибудь ещё?

— Нет, можете идти. Хорошего вам дня, — сказал Лернер, и Алла Петровна вышла.

Закончив набирать текст и отправив распоряжение, Маша с изумлением посмотрела на Лернера.

— Я и не знала, что у нас есть собственный благотворительный фонд, — произнесла она.

— Ну, теперь знаешь, — ответил Лернер. — Мы напрямую поддерживаем несколько детских домов и сотрудничаем со множеством волонтёрских организаций.

Маша хотела что-то сказать, но Лернер прервал её:

— Машенька, сейчас займёмся картинами. — Он встал из-за стола. — Итак, для начала, как говорится, для чистоты эксперимента…

Он взял картины, развернул их к себе и поставил на диван. Маша вздрогнула и от волнения облизнула губы.

— Я чувствую себя подопытным кроликом, — внезапно охрипшим голосом произнесла она.

Лернер, казалось, наслаждался её замешательством — его взгляд скользил по её лицу, изучая реакцию.

— Но… почему? — наконец выдавила она, её голос всё ещё звучал хрипло и неуверенно. — Почему я на них так реагирую? И почему «чистота эксперимента»?

— Потому что, Машенька, — начал он, его голос стал тише, почти шёпотом, — иногда, чтобы понять истинную природу вещей, нужно отбросить всё лишнее. Все наши предубежде-

ния, все наши ожидания. — Он повернулся к ней, и в его глазах мелькнул странный, почти мистический огонёк: — Понимаешь, Машенька? Что ты чувствуешь, глядя на эти картины?

Маша кивнула, не в силах произнести ни слова. Картины стояли, молчаливые свидетели этого странного момента, и казалось, что они тоже ждут чего-то. Чего-то, что должно было произойти прямо сейчас.

— Всё, что я сейчас чувствую… — еле слышно начала Маша, — это нестерпимое желание раздеться и сесть на диван. Это безумие, и я не могу это объяснить.

Лернер слегка откинулся на спинку кресла, внимательно изучая её лицо. В его глазах читалась не насмешка, а искренний исследовательский интерес.

— Интересно… — протянул он. — Позавчера, как ты сама сказала, ты весь день работала без одежды и чувствовала себя прекрасно. Я подчёркиваю — работала.

— Всё так, — подтвердила Маша.

— А сейчас ты хочешь именно сесть на диван? Правильно? — продолжил Лернер.

— Да. И позавчера я тоже сидела на этом диване не раз, — призналась Маша.

— А зачем тогда ты весь день работала голая? — спросил Лернер с искренним любопытством.

— Хотела проверить то, что вы пытаетесь выяснить сейчас, — ответила Маша. — Но единственное, что я обнаружила, что работать без одежды — это дополнительный драйв и совершенно непередаваемые эмоции.

— Интересное наблюдение, никогда не пробовал, — заметил Лернер и улыбнулся. Он внимательно выслушал её и подытожил: — Значит, эти картины вызывают у тебя непреодолимое желание их скопировать, то есть раздеться и сесть на диван в тех же позах, что и девушки, изображённые на этих картинах?

— Всё верно, Сергей Сергеевич, именно так, — подтвердила Маша.

В этот момент раздался звонок Машиного телефона.

— Это доставка, Сергей Сергеевич, наши суши приехали, — сказала она. — Я спущусь, заберу.

Лернер кивнул. Маша встала и, стараясь не смотреть на картины, вышла из кабинета. Она вернулась с пакетами, с опаской посмотрела на диван, но картины уже были повёрнуты лицом к спинке.

— Я отвернул их, не хочу тебя больше мучить, — рассмеялся Лернер.

Маша облегчённо выдохнула.

— Этот диван, эти картины… Они словно обладают магической силой, притягивая и одновременно пугая меня. — Её голос стал чуть увереннее. — Но мне кажется, что вы правы, Сергей Сергеевич: это как будто какая-то проекция. Я вижу девушек на картинах, их расслабленность, их свободу, и мне хочется повторить это. Но не просто повторить, а почувствовать. Понять, что именно они ощущали в тот момент.

Она подошла к столу и начала распаковывать пакеты с суши. Аромат свежей рыбы и риса наполнил кабинет, отвлекая от гнетущей ауры картин. — Но почему нужно обязательно повторять позы? — задумчиво спросила она, раскладывая еду.

Лернер, наблюдая за ней, улыбнулся:

— Возможно, позы девушек на картинах — это квинтэссенция твоего состояния. Ты стремишься к нему, к этой абсолютной свободе от внешних рамок и внутренних ограничений.

Маша кивнула, принимая от него палочки.

— Да, это похоже на правду. Я чувствую себя так, будто пытаюсь разгадать какую-то загадку, связанную с самой собой. И эти картины — ключ к ней.

Она взяла ролл с лососем и медленно отправила его в рот, наслаждаясь вкусом. В этот момент она выглядела гораздо спокойнее.

— Значит, вы считаете, что это не патология, а… поиск? — спросила Маша, глядя на Лернера.

— Я считаю, что это очень интересный феномен, — ответил он. — И мы продолжим его исследовать. — Знаешь, — продолжил Лернер, — иногда наши желания и ощущения кажутся нам необъяснимыми, иррациональными. Но именно в этом и кроется их ценность.

Маша впитывала каждое слово.

— Вы хотите сказать, Сергей Сергеевич, — игриво ответила она, — что если мне хочется раздеться, то не нужно себя сдерживать?

Они вместе рассмеялись.

— Что я хотел сказать, то и сказал, — отшутился Лернер. — Кстати… — он встал и направился к своему столу. — Посмотрю, может, Чен прислал письмо.

— Ага, — кивнула Маша.

Покопавшись в компьютере, он с восторгом воскликнул:

— Есть письмо! Молодец Чен, держит слово! — И принялся читать.

— Ну что там, Сергей Сергеевич? Не томите!

Лернер закончил чтение, закрыл ноутбук и вернулся к обеду. Маша смотрела на него с нетерпением.

— В письме есть кое-что любопытное, — сказал он. — Чен пишет, что его брат рассказывал: для того чтобы ощущать энергию изображаемых девушек, он сам работал над холстами обнажённым. Более того, он верил, что так передаёт не просто образ, а живое ощущение момента.

— Вот же! — воскликнула Маша. — А вы говорили, ничего полезного! В эти картины уже вложена эта энергия!

— Какая энергия? Раздевания? — засмеялся Лернер.

— Вы не видите связи, Сергей Сергеевич? — Маша изобразила удивление. — Эти картины буквально пропитаны ощущением свободы. И когда я смотрю на них, я подсознательно хочу воспроизвести не только позу, но и это состояние.

Лернер задумчиво покрутил в руках палочки.

— Ты, возможно, права, — сказал он наконец. — Это не просто живопись. Это своего рода ритуал, запечатлённый в красках.

Они доели роллы, и Маша начала собирать остатки трапезы.

— Машенька, — ласково обратился Лернер, — я завтра еду на аукцион по искусству и думаю, что тебе будет полезно поехать со мной. Заодно проверим твою реакцию на обнажённую натуру на других полотнах.

— Сергей Сергеевич! — с восторгом пропела Маша. — Вы возьмёте меня с собой на аукцион?

— Да, — подтвердил Лернер.

— Ура! Огромное спасибо! — радостно крикнула она.

Лернер улыбнулся и добавил:

— Отлично, тогда завтра в десять я за тобой заеду. Называй адрес.

Маша продиктовала свой домашний адрес.

— Итак, с картинами мы решили, — продолжил Сергей Сергеевич. — Пусть пока стоят повёрнутыми, чтобы тебя не провоцировать. А там посмотрим.

— Хорошо, Сергей Сергеевич, — согласилась Маша, и её улыбка осветила кабинет.

— Ладно, ты здесь заканчивай, а я поеду домой. Мне нужно подготовиться к аукциону, — сказал Лернер.

Глава 7

Лимузин ждал на привычном месте.

— Марат, в парк, к шахматному клубу, — бросил он шофёру, открывшему дверь.

— Уже мчим, — весело отозвался Марат, захлопнув за Лернером дверцу.

Шахматы были для Лернера настоящей всепоглощающей страстью. Ещё мальчишкой, едва восьми лет, он впервые прикоснулся к волшебству этой игры во Дворце пионеров. С тех пор шахматы стали необходимой частью его жизни. К пятнадцати годам он блеснул на школьных соревнованиях и выполнил норматив первого взрослого разряда. Хотя потом он не связал жизнь с большой спортивной карьерой, любовь к хитросплетениям ходов и глубоким стратегиям осталась с ним навсегда.

И даже сейчас, несмотря на бешеный ритм жизни, он находил время хотя бы раз в неделю посвятить пару часов чёрно-белым баталиям.

Марат остановил машину у входа в небольшой уютный парк. Лернер вышел, почувствовав лёгкий ветерок на лице. Впереди, среди раскидистых деревьев, виднелось небольшое здание шахматного клуба.

Едва переступив порог, Лернер вдохнул знакомый запах старого дерева и свежего кофе — неизменных спутников шахматных поединков. В зале царила привычная атмосфера сосредоточенности, лишь изредка нарушаемая тихими щелчками шахматных часов или едва слышным шёпотом.

Вокруг столов, уставленных досками, склонились игроки, замершие в напряжённом ожидании следующего хода. Лернер обвёл зал взглядом в поисках свободного партнёра. У одного из столов, одиноко сидя перед расставленными фигурами, скучал грузный мужчина средних лет в мятой рубашке, лицо украшала внушительная окладистая борода. Лернер подошёл к нему.

— Можно? — спросил он, едва касаясь спинки стула.

Бородач молча кивнул, Лернер сел напротив. Перед ним стояли чёрные фигуры. Он собрался, как обычно, решить, кто каким цветом начнёт, но бородатый, не теряя времени, запустил часы и сделал ход: e2—e4.

«Ладно, — подумал Лернер, — хочешь белыми — играй белыми». И ответил своим любимым ходом c7—c6, переходя в защиту Каро — Канн. «Посмотрим, что знает этот спортсмен», — пронеслось у него в голове. Бородатый, очевидно, не был готов к такому построению, и вскоре стало ясно, что Лернер ему не по зубам. Примерно на двадцатом ходу тот в последний раз нахмурился, остановил часы и протянул руку, признавая поражение.

Сергей Сергеевич пожал руку противнику и предложил реванш. Бородач не проронил ни слова. «Какой необщительный спортсмен», — подумал Лернер и вслух произнёс:

— Спасибо за партию. — И встал из-за стола.

— Сергей Сергеевич! — окликнул кто-то. Обернувшись, Лернер увидел сухонького старичка, который усаживался за свободный столик.

— Здравствуйте, Пётр Степаныч, — с улыбкой поздоровался Лернер.

— Сергей Сергеевич, я, конечно, могу попытаться не проиграть вам быстро, но вы должны мне кое-что пообещать, — сказал старичок.

— Я вас слушаю, — ответил Лернер, не переставая улыбаться.

— Никаких сицилианских защит! — серьёзно произнёс Пётр Степаныч.

— Договорились. И вы будете играть белыми, — добавил Лернер, расплывшись в улыбке.

— Рассчитываете затащить меня в свой Каро — Канн? Не выйдет, — проговорил Пётр Степаныч и, включая часы, двинул пешку на d4. — Вот и нету вашего Каро — Канна, Сергей Сергеевич! — добавил он, довольный собой.

— Ну и не надо, — отозвался Лернер и ответил d5. Старичок удовлетворённо кивнул, наблюдая, как Лернер разворачивает игру. Ход d5 был ожидаем, и Пётр Степаныч спокойно продолжил развивать фигуры. Но уже к двадцатому ходу его положение заметно ухудшилось, а к тридцатому стало безнадёжным.

Лернер завершил партию эффектной жертвой слона. Пётр Степаныч дальше сопротивляться не стал. Они сыграли ещё две партии — на этот раз Лернер играл белыми, но результат не изменился. После третьей партии старичок сказал, что ему достаточно.

— Ну всё-таки я оказал вам достойное сопротивление, признайте, — попросил он.

— Было непросто, Пётр Степаныч, — ответил Лернер с неизменной улыбкой. — Спасибо за игру.

Он был сама любезность, улыбка не сходила с его лица, но в глазах горел огонёк азарта: он уже искал в зале новую жертву.

Его взгляд скользнул по рядам столиков, где пары склонялись над досками, погружённые в свои шахматные баталии. Он видел напряжённые лица, сосредоточенные взгляды, нервные движения рук, переставлявших фигуры. Для Лернера это был не просто спорт — это была страсть, почти одержимость, поиск идеального хода, безупречной комбинации и жертвы, которой он сломит волю. Он наслаждался каждым моментом, каждым вызовом. И хотя всегда оставался вежливым и учтивым, внутри него бушевал огонь, требовавший новых побед, новых доказательств превосходства. Зал, наполненный тихим стуком фигур и шёпотом игроков, казался ему огромным охотничьим угодьем, где всегда найдётся кто-то, осмелившийся бросить ему вызов.

— Пётр Степаныч, — обратился Лернер к уходившему старичку, — а кто тот молодой человек, что сидит с книгой и играет сам с собой?

— А это Валентин, — весело пробормотал старик. — Валя — наша местная достопримечательность. Придёт с книжкой, сам с собой позанимается и уйдёт, будто не может дома сам с собой поиграть. Нет, несколько раз он играл с людьми, но шансов никому не оставил, с тех пор и играет со своей книгой. — Старичок усмехнулся, кивнул Лернеру на прощанье и потрусил прочь.

Молодой человек действительно был погружён в занятия: пальцы быстро переставляли фигуры, а взгляд то и дело останавливался на страницах книги, словно он искал там подсказку. По виду лет двадцати, не больше. Лицо сосредоточенное, но спокойное.

Подойдя ближе, Лернер стал изучать позицию.

— Гамбит Блэкмора — Димера, — вдруг произнёс он.

Молодой человек поднял глаза и удивлённо посмотрел на Лернера.

— Вы знаете этот гамбит? — спросил Валентин.

— Приходилось бывать по обе его стороны, — с улыбкой ответил Лернер.

— Хотите сыграть? — оживился Валя.

— Выбирай цвет, — согласился Лернер.

— Я — чёрными, хочу опробовать гамбит, — сказал Валентин.

Лернер сел и включил часы.

Первая партия целиком была за Лернером — гамбит не сработал. Во второй, играя белыми без гамбитов, Лернеру пришлось тяжело, и он с трудом свёл партию в ничью. А третья партия стала настоящим зрелищем, за которым следил весь зал.

Обоюдоострая открытая борьба завершилась победой более опытного Лернера, у которого оказались крепче нервы. Валентин пожал ему руку:

— Впервые вижу в этом клубе соперника такого уровня, — радостно сказал он, не расстроившись поражением.

— Ты был более чем достойный соперник, — ответил Лернер и добавил: — Спасибо за игру.

Попрощавшись, он вышел на улицу. Марат спал в машине.

— Боец, подъём! — весело прокричал Лернер.

Он был счастлив: семь партий — шесть побед и ничья.

— Домой, домой, — сказал он переполошившемуся после сна Марату.

Тот, потирая глаза, завёл мотор. Вечерняя прохлада приятно обволакивала, смывая остатки усталости. Лернер откинулся на спинку сиденья и позволил мыслям свободно блуждать. Он вспоминал каждую партию, каждый ход, каждую эмоцию. Особенно ярко отпечаталась в памяти третья игра с Валентином. Этот юноша с пытливым умом и бесстрашием произвёл на Лернера сильное впечатление. В нём чувствовалась искра, которая отличает настоящего игрока от простого любителя.

«Гамбит Блэкмора — Димера», — промелькнуло в голове Лернера. Сколько лет прошло с тех пор, как он сам, будучи таким же молодым и дерзким, бросался в омут рискованных дебютов, стремясь не столько к победе, сколько к красоте и остроте игры. Валентин напомнил ему молодость — и это было приятно. В этом клубе, где он привык видеть знакомые лица и предсказуемые стили, появление такого игрока было подарком.

Дорога домой показалась короче обычного. Он чувствовал прилив сил и необычайную ясность мысли. Шахматы, как ничто другое, умели очищать сознание, оставляя ощущение порядка и гармонии.

Машина остановилась у дома.

— Завтра в девять тридцать. В десять мы забираем Марию, мою помощницу, и идём на аукцион, — сказал Лернер.

Марат странно посмотрел на него и ответил:

— Хорошо, Сергей Сергеевич. Спокойной ночи.

Лернер заметил взгляд Марата и улыбнулся:

— Спокойной ночи! — сказал он и вышел из машины.

Вернувшись домой, Лернер первым делом с жадностью съел два огромных бутерброда с ветчиной. После душа он съел ещё бутерброд, устроился в любимом кресле с бокалом коньяка и планшетом, намереваясь пробежаться по завтрашнему аукционному каталогу.

Его палец случайно попал на выскочившее рекламное окно автосервиса. Запустился ролик: хозяин гаража улыбался и рассказывал, что в его мастерской, помимо прочего, занимаются ремонтом, реставрацией и покраской советских авто в их родные цвета. В качестве примера он показал ВАЗ-2105, сияющий насыщенным голубым.

Машина на экране словно приковала Лернера. Он не мог отвести глаз: машина казалась ему почти родной. «Что-то с ней не так», — мелькнула мысль. И тут мужчина из ролика произнёс: «Классический пример нашей работы — ВАЗ-2105, восстановленный и покрашенный в голубой цвет под названием „адриатик“».

Словно удар молнии пронзил его. Сердце пропустило удар.

— Конечно! Голубые «Жигули», ВАЗ-2105… пятёрка цвета «адриатик» — Лена! — вырвалось у него. — Да это же её машина! Какой это был год? — Лернер говорил вслух.

Он осёкся, сделал глоток коньяка и откинулся на спинку кресла. Боль, казалось, обняла его, но это была не та боль, что приносит физический дискомфорт. Это было ноющее, тупое чувство утраты — воспоминание о чём-то, что когда-то было близким и дорогим.

Он вспомнил, как познакомился с Леной в клубе филателистов: она собирала марки на спортивную тематику. Вспомнил, как Лена с гордостью показывала ему свою машину.

Она была частью её. Она так любила этот цвет — «адриатик».

Время, как всегда, оказалось беспощадным. Тридцать с лишним лет пролетели как миг. Случайная интернет-реклама выдернула из забвения то, что он так старательно хоронил.

Лернер отпил ещё коньяку, пытаясь заглушить волнение. Аукционный каталог казался теперь незначительным. Мир сузился до одного образа — «Жигули» цвета «адриатик».

Словно призрак, перед внутренним взором Лернера предстала белокурая красавица: большие, слегка миндалевидные голубые глаза, чёткие скулы, маленький нос и полные губы — облик, не подвластный времени. Её открытый невозмутимый и уверенный взгляд. Отличница ГТО, убеждённая коммунистка — родители Лены были шишками то ли в горкоме, то ли в обкоме. Как сложилась их жизнь в новом, безумном мире капитала?

Он вспомнил, как они ездили на пляж в Аркадию, как носились по раскалённому песку, как наперегонки плыли к волнорезу. На ней тогда был купальник того же цвета, что и её машина. «Моя комсомолка», — ласково называл он её.

А потом — потерял. В один день, в одно мгновение. Это ощущение дежавю: всего пару дней назад он вдруг вспомнил Катю — ту самую Катю Москвину, которую звал Огоньком за медно-рыжие волосы. Он потерял её в тот же день, что и Лену.

— Фамилия… Яблочкина! Точно, Лена Яблочкина, — прошептал Лернер. — Я потерял их обеих в один чёртов день. И в тот же день приобрёл «Берег».

Бокал опустел, Лернер, не задумываясь, налил ещё. Память — штука коварная: иногда подсовывает нужные детали, а иногда заедает, крутясь, как заезженная пластинка. Вот и сейчас: Лена, Катя, один день, «Берег», — будто вся прошлая жизнь сошлась в одной точке, а всё остальное лишь туман.

Идеология, ГТО, горком — всё теперь воспринималось как анекдот, особенно когда он думал о Лене. Родители могли и быть шишками, а могли просто устроиться в кабинетах — неважно. Важно, что Лена была из другого теста — настоящая, цельная. Не то что нынешние, суетливые, с желанием что-то урвать.

Он помнил споры с Леной о политике. Она — с горящими глазами, отстаивающая идеалы, которые ей казались незыблемыми. А он слушал, иногда улыбаясь её наивности, иногда восхищаясь её верой. Он знал, что мир не так прост, но именно это и цепляло. Лернер вздохнул и поглядел на чёрный экран планшета. Там отражался полумрак комнаты и его одинокий силуэт. «„Берег“… Да, — подумал он, — я приобрёл „Берег“, когда потерял обеих. Скорее когда понял, что потерял. Одна жизнь закончилась, началась другая — без Комсомолки и Огонька».

Он снова наполнил бокал, но пить не стал: завтра аукцион, голова должна быть ясной. Лернер переместился на диван, не снимая одежды, и скоро уснул, думая о Маше. «Интересная девушка эта Маша, — крутилось у него в голове. — Её действительно сводят с ума картины или она просто играет со мной? На кого она больше похожа — на Катю или на Лену? Они такие разные: честная и правильная Лена — эталон добродетели; Катя — хулиганка, барыжившая импортным шмотками. А Маша… Маша — сплошная загадка».

Мысли путались, образы смешивались, наконец сон накрыл его. В полудрёме ему снова привиделся гамбит Блэкмора — Димера: фигуры двигались по доске, напротив сидел Валентин с сосредоточенным лицом. Потом картинка сменилась: Лена в голубом купальнике бежала по песку, смеялась, махала рукой. И наконец, Маша, её улыбка таила что-то неуловимое, манящее и тревожное одновременно.

Лернер глубоко вздохнул во сне и перевернулся на бок.

Утро обещало быть насыщенным и не только из-за аукциона. Образ Маши, её загадочная улыбка смешивались с воспоминаниями о Лене и Кате.

Глава 8

На следующее утро ровно в девять тридцать Лернер, в сером костюме и начищенных до блеска чёрных туфлях, вышел из подъезда и направился к своему лимузину. Поздоровался с Маратом, назвал адрес Маши.

Когда автомобиль подъехал к её дому, Маша уже ждала на пороге. На ней был элегантный костюм яркого розового цвета, идеально дополненный маленькой сумочкой в тон. Пышные распущенные волосы обрамляли её лицо, а глаза сияли предвкушением. В руке она сжимала небольшой блокнот, готовая запечатлеть каждое слово, каждый взгляд, каждое открытие.

— Доброе утро, Машенька! — поздоровался Лернер.

— Доброе утро, Сергей Сергеевич! — ответила она.

— Готова к приключениям? — спросил он с лёгкой улыбкой.

— Более чем! — с азартом отозвалась Маша.

Лимузин плавно тронулся к выставочному центру. По дороге Лернер погрузил Машу в тонкости арт-рынка, рассказывая, как ценится каждое произведение и как важно уметь «читать» картину, чувствовать её душу. Маша слушала, впитывая каждое его слово.

— Марат, останови здесь, — попросил Лернер. — У нас ещё есть время до начала, погода прекрасная, и мы с удовольствием прогуляемся по этому чудесному бульвару.

Как только машина остановилась, Лернер добавил:

— Марат, поставь машину на стоянку возле дома и свободен до понедельника.

— А вы?.. — удивился водитель.

— Я разберусь, — ответил Лернер, и они с Машей вышли из машины на бульвар, утопающий в пышной зелени.

Бульвар только просыпался. Косые лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву деревьев, ложась на мощёную дорожку длинными узкими полосами. Воздух ещё хранил ночную свежесть, смешанную с густым ароматом цветущих лип. Где-то неподалёку дворник шаркал метлой по асфальту, а редкие прохожие спешили по своим делам.

Маша невольно улыбнулась, принимая предложенную Лернером руку.

— Знаешь, Машенька, — начал Лернер, когда они неторопливо ступали под сенью деревьев, — коллекционирование, с точки зрения многих людей и профессиональных психологов в том числе, — психическое расстройство.

— Думаете, они правы? — лукаво спросила Маша.

— Не знаю. Иногда кажется, что я действительно псих, раз трачу огромные деньги на вещи, которые будут просто стоять на полке или висеть на стене.

— Это не просто вещи, Сергей Сергеевич. Это предметы искусства, ценность которых определяется не только деньгами, — серьёзно сказала Маша. А затем добавила: — Да и потом, Сергей Сергеевич, я категорически не согласна с тем, что вы псих!

Они одновременно рассмеялись. Лернер, держа Машу под руку, слушал её рассказы о детстве. Она с увлечением вспоминала, как собирала красивые открытки и кукол определённой фирмы.

На одной из кованых скамеек сидел пожилой мужчина. На нём был строгий костюм, такой же, как и на Лернере. Он держал на коленях ноутбук и, казалось, был целиком поглощён тем, что видел на экране. Когда Лернер с Машей проходили мимо, мужчина поднял на них свои бесцветные глаза. Лернер встретился с ним взглядом и почувствовал, как по спине пробежал холодок, а ладони слегка вспотели. Пройдя ещё несколько шагов, он обернулся. Старик с неприятной улыбкой смотрел ему вслед, и этот ледяной взгляд, казалось, прошивал Лернера насквозь. «Кто это?» — пронеслось в голове. В этом пожилом человеке было что-то очень зна-

комое и одновременно пугающее. Лернер пытался вспомнить, где он встречался с этим персонажем, но тщетно.

Тем временем они дошли до выставочного центра, и мысли Лернера полностью переключились на предстоящий аукцион.

Маша была поражена интерьером. Высокие потолки, приглушённый свет, тихие голоса, запах старой бумаги и что-то ещё неуловимое, но притягательное. Вокруг сновали одетые со вкусом люди, их лица выражали сосредоточенность и ожидание. Лернер уверенно вёл её сквозь толпу, здороваясь с некоторыми знакомыми. Маша чувствовала себя частичкой этого большого, загадочного мира, и это ощущение волновало.

Лернер напрягся, не найдя в выставочном зале картину грузинского художника.

— Машенька, подожди меня здесь. Я сейчас вернусь, — бросил он и ушёл.

Когда он вернулся, его лицо было мрачнее тучи.

— Что случилось, Сергей Сергеевич? — встревоженно спросила Маша.

— Понимаешь, Машенька, — начал Лернер с саркастической усмешкой, — картина, ради которой мы сюда пришли, снята с торгов.

— Почему? — Маша удивлённо подняла брови.

— Оказалась подделкой, — грустно констатировал Лернер.

Маша разочарованно вздохнула.

— Но как же так? — прошептала она. — Такая известная галерея, такой аукцион… Неужели они не проверяют?

— Я уже представлял её на своей стене, — добавил Лернер. — Представлял, как буду пить кофе, глядя на дикие грузинские пейзажи… Ну что ж, придётся искать что-то другое. А пока, может, прогуляемся? Настроение, конечно, подпорчено, но всё ещё впереди.

Маша кивнула, чувствуя, как напряжение последних минут постепенно уходит.

— Да, Сергей Сергеевич, давайте прогуляемся. Если это подделка, вы избежали большой траты и разочарования. Может, это к лучшему.

— Предлагаю прогуляться до буфета, — сказал Лернер. — Там отличный кофе и чудесные закуски.

— Не вижу причин отказываться, — заулыбалась Маша.

Их встретили лёгкий шум и оживлённая атмосфера буфета. Запах свежесваренного кофе смешивался с ароматом выпечки. Лернер заказал две чашки капучино и тарелку канапе с сёмгой. Маша взяла небольшой круассан и воду. Они сели за столик у окна, откуда открывался вид на небольшой сквер.

— Знаете, Сергей Сергеевич, — начала Маша, отламывая кусочек круассана, — иногда такие неожиданные повороты оказываются на руку. Представьте, если бы вы купили эту картину, а потом выяснилось, что она фальшивая. Это было бы куда хуже.

— Абсолютно с тобой согласен, — сказал Лернер, кладя в рот канапе.

Когда с лёгким завтраком было покончено, Лернер сказал:

— Ну что, Машенька, пойдём поглядим, как сегодня идут торги.

Они вошли в зал для торгов и заняли свои места. Маша не переставала оглядываться по сторонам. Лернер же, напротив, был предельно сосредоточен.

Первые картины были довольно скромными. Но напряжение нарастало. И вот наступил момент, когда на помост вынесли полотно, вызвавшее в зале настоящий фурор. Это была обнажённая женская фигура, написанная с невероятной страстью и мастерством. Взгляд Лернера, пронзительный, словно прошил Машу насквозь.

— Маша, ты помнишь одну из целей нашего визита сюда? — наконец прошептал он, не отрывая от Маши пристального взгляда.

— Помню, Сергей Сергеевич, — прошептала она в ответ. — Только… я ничего не чувствую.

— Ничего? — Лернер чуть склонил голову. — Тебе совсем не хочется стать частью такого искусства?

Маша молчала, щёки её залил румянец.

— Прекрасно, — произнёс он, отводя взгляд.

В дальнейшем на аукционе ничего интересного не происходило. Лернер с Машей ещё несколько раз ходили в буфет и возвращались в зал. Лернер попытался купить китайские вазы, но его ставку быстро перебили — дальше торговаться он не стал.

Аукцион тем временем перешёл к более скромным лотам. Две старинные книги, обтянутые кожей, не вызвали особого ажиотажа. Лернер, кажется, потерял интерес к происходящему, его взгляд блуждал в пространстве, будто он искал выход из этой затянувшейся процедуры. Маша, напротив, с любопытством рассматривала публику, иногда шепча что-то Лернеру на ухо, на что он отвечал неопределённым кивком.

В зале ощущалось лёгкое утомление. Многие посетители, вероятно, ожидали более захватывающих торгов, но монотонность происходящего раздражала. Обитые бархатом кресла уже не казались такими удобными, вкусные запахи из буфета стали ярче в вялой палитре происходящего.

Лернер чувствовал, что его терпение на исходе. Зевнув, он взглянул на часы. Китайские вазы, несмотря на их кажущуюся ценность, оказались лишь попыткой разогнать скуку, которая, впрочем, потерпела фиаско. Наконец он предложил:

— Может, пойдём? Всё равно ничего интересного больше не будет.

Маша пожала плечами. Они встали и направились к выходу, оставляя позади угасающую интригу аукциона.

Выйдя на улицу, Лернер взял Машу под руку, и они неспешно зашагали по бульвару подальше от суеты выставочного центра.

— Вы расстроились, Сергей Сергеевич? — участливо спросила Маша.

Лернер переспросил с лёгкой усмешкой:

— Я расстроился? Вовсе нет. Наоборот, я очень рад. Проводить время в обществе прекрасной дамы — чего мне ещё желать? — Он улыбнулся.

Маша снова залилась краской.

Они гуляли по бульвару, начинающему тонуть в вечерней дымке. Низкое солнце красило небо в розовое и оранжевое, лёгкий ветер шевелил листву. Они смотрели на прохожих, и им казалось, что мир на миг замер вместе с ними.

— Я очень извиняюсь, молодые люди, — раздался скрипучий, словно треск ломающихся веток, голос.

Лернер и его спутница остановились. На скамейке, что и утром, сидел тот же пожилой мужчина, вид которого тогда встревожил Лернера. Мужчина поднялся и неспешно направился к ним.

— Здравствуй, Серёжа, — проскрипел старик. — Хотя, наверное, уже не Серёжа, а Сергей Сергеевич. — Его смех неприятно проскрипел в тишине.

Это был невысокий, худощавый человек с небритым лицом. Взгляд его маленьких чёрных глаз словно пригвоздил Лернера на месте.

— Ты меня не узнаёшь? А, Серёжа? — продолжал старик.

Лернер молчал. Он чувствовал, как дрожит Машина рука, держащаяся за его локоть.

Старик достал из кармана пиджака визитку и протянул её Лернеру:

— Держи, Серёжа. Завтра здесь в десять утра, надо поговорить, очень надо, — сказал он.

Поклонившись Маше, мужчина быстро зашагал прочь.

Лернер взглянул на визитку. Витиеватыми буквами на ней были напечатаны три слова: «Яков Михайлович Шварц». Ни адреса, ни телефона — только имя и фамилия.

— Кто это? — Её голос дрожал.

— Старый знакомый, — наконец произнёс Лернер, выходя из ступора. — Очень старый.

Они продолжили прогулку, но напряжение не спадало. Несколько минут они шли в тишине, пока Маша не решилась нарушить её:

— Сергей Сергеевич, не хочу показаться бестактной, но я не могу промолчать: от этого человека исходит опасность, я просто физически её ощущаю.

Лернер посмотрел на Машу и не без усилия улыбнулся:

— Машенька, буду ли я с ним встречаться или нет, я ещё не решил. Но в любом случае я знаю этого человека. Он, конечно, не самый приятный в общении персонаж, но людей он не ест.

Маша, казалось, не оценила его юмора. Её брови были сведены, а взгляд оставался напряжённым. Она покачала головой, словно пытаясь отбросить невидимую тень. Лернер видел, что её беспокойство было глубже, чем неприязнь к неприятному персонажу. В её глазах читалось предчувствие чего-то серьёзного, что она не могла или не хотела высказать. Он почувствовал лёгкое раздражение от её настойчивости, понимая, однако, что она искренне тревожится.

Они прошли через весь бульвар и свернули в парк. Неожиданно Лернер стал рассказать Маше то, о чём вовсе и не собирался говорить.

— Его зовут Яков Михайлович Шварц. Я познакомился с ним давным-давно, ещё в Одессе. Я был очень деятельным молодым человеком и в начале восьмидесятых занимался марками, монетами, книгами, фарфором — в общем, всем, что можно было дёшево купить у людей несведущих и подороже продать коллекционерам. Вот такой у меня был скромный бизнес. Правда, тогда это называлось спекуляцией и грозило мне лишением свободы — от трёх до пяти лет, но меня это не останавливало.

Шварц был заядлый коллекционер, деньги у него всегда водились, и, естественно, мы встретились. Помню, его интересовали золотые монеты и старинный фарфор. Мы заключили с ним несколько хороших сделок, и я неплохо заработал.

Слухи про него по городу ходили самые разные. Говорили, что у него когда-то была молодая красавица жена, но она то ли умерла, то ли ушла от него. Ещё говорили, что он был извращенцем и что проститутки, которых он снимал чуть ли не каждый день, рассказывали про него всякие ужасы. Но меня эти слухи вообще не интересовали. Какая мне была разница? Главное, что платил он исправно, а остальное меня не касалось.

Сам про себя он рассказывал, что он детдомовский, что румыны во время оккупации Одессы убили его семью, что он закончил ПТУ и работает завхозом в санатории «Маяк». Доподлинно известно лишь то, что в санатории он проворачивал свои мутные делишки, а когда им заинтересовалась милиция, свалил всё на директора, который сел на десять лет, а Шварц вышел сухим из воды. Кстати, фамилия несчастного директора была Весёлый. Только ему было совсем не весело, — улыбнулся Лернер и посмотрел на Машу, которая слушала его чуть дыша.
— Тебе интересно? — спросил Лернер.

— Очень! — ответила Маша.

— После нескольких успешных сделок Шварц сделал мне серьёзное предложение, которое я принял, и это в корне изменило мою жизнь, — Лернер продолжил рассказ.

В парке было много народу. Стемнело, фонари освещали желтоватым светом аллеи. Люди гуляли парами, семейками, с колясками и собаками. На главной аллее развернулась импровизированная ярмарка. Продавцы зазывали посетителей, предлагая сладкую вату, разноцветные воздушные шары и безделушки, которые любят дети. Слышался смех, музыка из переносных колонок, где-то играла гармошка. Детвора носилась по траве, играя в догонялки и футбол.

Маша ничего этого не замечала — она как заворожённая слушала рассказ Лернера, держась обеими руками за его согнутую в локте руку.

— Почему его предложение изменило вашу жизнь? — спросила Маша.

— Рассказываю, — отозвался Лернер. — Понимаешь, тогда я был, мягко говоря, не самым хорошим человеком — я встречался сразу с двумя прекрасными девушками.

— С двумя одновременно? — уточнила Маша.

— Да, одновременно, — подтвердил он. — Я никак не мог выбрать между ними. Я понимал, что нужно принять решение, но просто не мог этого сделать и продолжал обманывать обеих. Шварц предложил мне переехать в Москву. Он познакомил меня с очень серьёзными людьми — им в столице нужен был свой человек. Я согласился. Бросил обеих девушек и уехал. Сбежал в Москву от своих метаний, а там жизнь закипела с безумной силой. И я стал тем, кто я есть сейчас.

Маша задумчиво посмотрела на Лернера:

— И вот спустя тридцать лет он появился вновь, этот Шварц. Ну и фамилия же у него!

— Именно так, Маша, — подтвердил Лернер.

— Он мне не понравился, Сергей Сергеевич. А после ваших рассказов боюсь его, точнее за вас боюсь, — сказала Маша.

— Машенька, милая, ты слишком драматизируешь. Он, конечно, своеобразный человек, но не опасен. Просто привык добиваться своего, иногда это выглядит устрашающе.

Они медленно брели по вечерним улицам, погружённые в свою беседу.

— Сергей Сергеевич, — неуверенно начала Маша, — расскажите о них, пожалуйста. Какие они были?

Лернер не сразу понял:

— Кто?

— Ну, те девушки, — уточнила Маша.

Лернер улыбнулся:

— А это тебе зачем?

Маша опустила глаза:

— Они ведь вам нравились, Сергей Сергеевич. А я… я хочу знать, какой должна быть девушка, чтобы вам нравиться.

Выдержав паузу, Лернер мягко сказал:

— Давай в другой раз, Машенька. Ты мне и нравишься, какая есть.

Маша игриво прижалась головой к его плечу.

Их разговор перешёл на обсуждение картин и книг. Маша удивляла Лернера своей эрудицией. Они делились впечатлениями о прошедшем аукционе. Так неспешно они шагали по опустевшим улицам, погружённые в свою беседу. Вдруг Лернер произнёс:

— Машенька, кажется, мы на месте.

Маша огляделась — они стояли у того дома, откуда утром Лернер забрал её по пути на аукцион.

— Ой! Сергей Сергеевич, вы проводили меня домой?

— Получается, что так, — с улыбкой ответил Лернер.

— А как же вы доберётесь до дома? — обеспокоенно спросила Маша.

— Не у всех в Москве есть лимузин с личным водителем. — Лернеру отчего-то стало весело. — Но люди же как-то передвигаются по городу. Возьму такси. А с тобой, моя помощница, мы увидимся в понедельник.

— Я бы пригласила вас… — начала было Маша, но Лернер мягко прервал её:

— Мне нужно домой, Машенька. До понедельника.

Она посмотрела ему прямо в глаза, затем едва коснувшись щеки, поцеловала его.

— До понедельника, Сергей Сергеевич, — прошептала она и направилась к подъезду.

— Маша! — окликнул её Лернер. — Ты красивее их обеих.

И, развернувшись, зашагал прочь.

Лернер ехал в такси, и вечерний город проносился мимо окна, словно привидение. Лернер не замечал мелькающих огней. «Неужели я влюбился в эту девчонку? — пронеслось в голове. — Похоже на то, как ни странно. В моём-то возрасте? Влюбился?»

Даже если это было сейчас не совсем так, то самое чувство было вполне ощутимо. «Да какая, собственно, разница, какие у неё намерения? — подумал он. — Она мне нравится, и мне с ней очень хорошо, спокойно, что ли…»

Так он думал, пока такси мчало его домой, унося в мир новых, нежданных чувств. Он поймал себя на мысли, что впервые за долгое время не чувствует привычного напряжения, не прокручивает в голове рабочие проблемы, не анализирует предстоящие встречи. Просто едет, просто думает. О Маше. Это было непривычно и, пожалуй, немного пугающе. Вся его жизнь была выстроена по чётким правилам, где эмоциям отводилось определённое место, и они не должны были переворачивать его жизнь с ног на голову.

Он вспомнил её смех — лёгкий, искренний, не похожий на смех женщин, с которыми он обычно общался. Вспомнил, как она смотрела на него — без лести или заискивания, с интересом. И как она, чёрт возьми, умудрилась так легко раздеться в его кабинете, а потом с таким невинным видом свалить всё на несчастную картину? Это было настолько абсурдно, настолько вне всяких рамок, что он невольно улыбнулся.

«Спокойно, что ли…» — снова пронеслось в голове. Да, именно так. Рядом с Машей он чувствовал себя не успешным бизнесменом, человеком с репутацией, а просто мужчиной. Мужчиной, который вдруг обнаружил, что мир вокруг может быть не только полем битвы, но и местом, где можно просто быть, дышать, чувствовать.

Он вышел из такси, вдохнул прохладный вечерний воздух. Шум города казался ему ненавязчивым, недавящим. Он поднялся в свою квартиру, и она не показалась ему пустой. В ней витал лёгкий, едва уловимый аромат Машиного присутствия — или, быть может, это было лишь его воображение?

Он устроился с планшетом в кресле, пытаясь ещё раз рассмотреть работы грузинского живописца. Сегодня на аукционе одно из полотен художника оказалось фальшивкой, и это выбило Лернера из колеи. Но по-настоящему сосредоточиться не получалось. В воздухе словно витал образ обнажённой Маши, безмятежно сидящей на диване в его кабинете.

Тут он вспомнил про Шварца. «Завтра ровно в десять…» Неприятный тип, конечно, но что он тебе сделает? И главное, почему Маша так его испугалась? «Идти или не идти?» Эта дилемма мучила. Но, пожалуй, выбора у него не было. Ему было необходимо выяснить, что спустя столько лет скрывается за внезапным появлением этого человека.

Лернер напряг память, пытаясь воскресить их последнюю встречу. Это было в Одессе, в ресторане «Киев», в далёком восемьдесят третьем. Тогда Шварц, этот проныра, свёл его, молодого и амбициозного, но совершенно запутавшегося в своих чувствах парня, с представителями подпольного бизнеса — с теми самыми «грузинскими цеховиками». Лернер, ослеплённый жаждой успеха, уехал покорять Москву, налаживать каналы сбыта, и в этой гонке потерял и Катю, и Лену. С тех пор они со Шварцем не пересекались. Ходили слухи, что Шварц эмигрировал в Америку, но вот он, чертяка, снова здесь.

Лернер поднялся, подошёл к бару, взял бутылку коньяка и, наполнив бокал до краёв, сел на диван. «Киев». Именно в этом ресторане в восемьдесят третьем году произошла встреча, ставшая для него настоящим поворотом. С того дня начался путь, который привёл его туда, где он находится сейчас. Но та же встреча обернулась и потерей — Лены и Кати.

«Забавно… Откажись я тогда от предложения Шварца, кого бы выбрал: Катю или Лену? Или, не сумев совершить выбор, потерял бы обеих?» Вот он, знаковый перекрёсток его бытия — тот самый день, когда он согласился на встречу с Шварцем. Всего пару дней назад, спустя много лет, из глубин его сознания вдруг всплыли Катя и Лена. И тут же из ниоткуда матери-

ализовался Шварц. Невероятное совпадение. Может, дело было не в Шварце, не в его заманчивом предложении?

Коньяк обжигал горло, но не дарил отрады. Вкус был горьким, как и сами воспоминания. Он закрыл глаза. «Боже мой, какой же это был день? Я пришёл в ресторан прямо со стадиона… Ну да, конечно, „Черноморец“ в тот день выиграл, если я не ошибаюсь, у минского „Динамо“». Он открыл глаза, отпил коньяк, который просто согревал, открыл планшет.

— Та-ак… Одесский «Черноморец», восемьдесят третий год, лето, домашние матчи, — Лернер бубнил себе под нос. — Вот оно… Двадцать четвёртое июня. «Черноморец» победил минское «Динамо» — три — один. После той игры, вместо того чтобы пойти к Кате или к Лене, я отправился на встречу с Шварцем. Ах, Лена, Лена Яблочкина, моя комсомолка…

Она окончила институт физкультуры и вела занятия ритмикой при Дворце спорта. Я помню, как забирал её оттуда. Помню её родителей — важных партийных начальников. Пятикомнатную квартиру в обкомовском доме с домработницей. Но люди вроде были простые, без снобизма, разговаривали со мной как с равным. Относились ко мне неплохо. Лена их боготворила. А ещё у неё была бабушка — добрейшая женщина. Лидия Степановна, кажется. Лена посвящала её во все свои секреты, советовалась.

А Катя? Катя Москвина, мой Огонёк, была настоящей москвичкой. Её родители развелись, и отец вернулся в Одессу. Катя осталась с матерью в Москве, но что-то у них не сложилось, и она сбежала к отцу. Помню, отец и его новая жена не очень-то обрадовались. Катя жила в общежитии, а на лето перебралась на отцовскую дачу на Одиннадцатой станции Фонтана. Отец с новой семьёй — не помню почему — остался летом в городе. Дачу закрыли, оставив Кате только веранду, на ней она и жила. Помню, летом она работала продавщицей в магазине, кажется, на Шестнадцатой станции. Папа помог ей с работой. Ну хоть что-то…

Лернер, словно опытный археолог, осторожно раскапывал глубины собственной памяти. Каждый слой прошлого открывал ему новые картины — явственно проступали дни, когда в его жизни одновременно существовали две девушки. Две такие разные, но обе — желанные, обе — манящие.

Он помнил, как метался между ними, не в силах сделать выбор, и как в итоге, испугавшись этой нерешительности, сбежал. Сбежал в Москву, гонясь за призрачными возможностями, — и в этой спешке потерял обеих. Теперь, погружаясь в эти воспоминания, он чувствовал лишь горькое сожаление. Он достиг успеха, гнался за ним — и в итоге поймал.

Стал богатым, влиятельным. Но какой ценой? Стал ли он счастливым? Даже самому себе Лернер не мог ответить на этот вопрос.

Поставив бокал с коньяком на стол, он поднялся и зашагал по комнате. Пить совсем не хотелось. Что-то его мучило, какой-то нюанс — что-то ускользало.

«После последней встречи со Шварцем я потерял Катю и Лену, — пронеслось в голове. — Неужели после завтрашней встречи с ним я потеряю и Машу?» Вот что его мучило. Подсознательно он боялся потерять Машу. Это же очевидно: как только у него появились пусть и крошечные, но всё же чувства — на следующий же день назначена встреча со Шварцем. Он попытался себя успокоить: «Во-первых, нельзя потерять то, что тебе не принадлежит. А Маша мне пока не принадлежит. Во-вторых, и это самое главное, хватит валить всё на Шварца. Он сделал предложение, я согласился, мог и отказаться. Это я сбежал в Москву, испугавшись выбора. Это я бросил девушек вполне осознанно. И я встречусь завтра со Шварцем и поговорю. У меня нет причин ему не доверять — он меня не обманывал. Я сам добровольно выбрал свой путь».

Глава 9

В это субботнее утро Лернер проснулся раньше обычного. Не было ни спешки, ни суеты, лишь размеренность и точность движений. Он умылся, включил кофемашину, подогрел булочки с клубничным вареньем, сделал кофе.

В нём не было и следа вчерашних метаний. Абсолютное спокойствие и сосредоточенность. Перед ним стояла задача, и он собирался решить её спокойно, уверенно и быстро. Лернер был готов с решимостью встретить любые вызовы. Он понимал, что встреча с Шварцем лёгкой не будет, поэтому заранее был готов к противостоянию. Именно к противостоянию, и ни к чему другому.

Такие люди, как Шварц, не появляются просто так спустя тридцать лет.

Лернер доел булочку, допил кофе, и в голове уже выстраивался план. Он оделся, спустился на парковку, сам сел за руль, вывел машину на улицу. Дороги были пусты, и уже через пятнадцать минут он парковался на бульваре, под раскидистой липой. Выйдя из машины, он уверенно зашагал по бульвару, где ещё вчера гулял с Машей.

На нём был тёмно-синий элегантный костюм и белые парусиновые туфли. Он шёл, не обращая внимания на редких прохожих, погружённый в свои мысли. По небу плыли редкие облака, а в воздухе витал еле уловимый аромат липы.

Шварц сидел на той же скамейке, что и вчера. В том же строгом чёрном костюме в мелкую полоску. Его тёмные, глубоко посаженные глаза внимательно смотрели из-под очков в тонкой тёмной прямоугольной оправе. Тёмные волосы, с заметными залысинами и благородной проседью на висках.

Лернер взглянул на часы: ровно десять. «Всё как мы любим», — мелькнула мысль, и он подошёл.

— Утро доброе, Яков Михайлович, — произнёс он, приветливо улыбаясь.

Ехидная улыбка сползла с лица Шварца.

— Здравствуй, Серёжа, — процедил он и добавил: — Без юной спутницы ты выглядишь куда бодрее.

— Зависть — плохое чувство, Яков Михайлович, — ответил Лернер.

— Зависть? Серёжа, я тебя умоляю, в моём-то возрасте? — И Шварц заулыбался своей улыбочкой, похожей на оскал. — Как сказано в Торе: «Зависть как гниль для костей». Вот и не завидую никогда, просто всегда добиваюсь, чего хочу.

— Вы, Яков Михайлович, ударились в религию? — почти искренне поинтересовался Лернер.

— Я таким родился, Серёжа, — с грустью произнёс Шварц после небольшой паузы. — Моя судьба и тяжёлая участь моего народа не оставили мне выбора, остаётся только верить в высшие силы.

Лернер хмыкнул и сел рядом с Шварцем на скамейку.

— Яков Михайлович, вы же не позвали меня сюда обсуждать вопросы религии. Давайте к делу. Я всегда готов к конструктивному диалогу, — с вызовом произнёс он.

Шварц повернул голову, его взгляд, казалось, проникал сквозь Лернера, изучая не только слова, но и скрытые в них смыслы. В его глазах мелькнула тень усталости, но тут же сменилась привычной твёрдостью.

— Сергей, ты на меня обижен? — наконец спросил он. — Не думаю, что есть хоть малейший повод. Тридцать лет назад я сделал тебе предложение, ты согласился, и вот теперь у тебя целая империя. Я понимаю, что всего ты добился сам, но кто знает, смог бы ты достичь таких высот, если бы тогда отказался? Так что обижаться на меня тебе точно не за что.

— Яков Михайлович, — в голосе Лернера появилась едва уловимая жёсткость, — я не обижен. Обида — это эмоция, которая требует признания вины. А вы не виноваты. Просто я больше не тот юноша, которого вы когда-то встретили.

— Ну, конечно, Сергей, конечно, — протянул Шварц с ноткой снисходительности. — Время меняет всех. Я помог тебе тогда… или, скажем так, открыл двери, которые без меня ты бы, может, и не увидел.

— Давайте оставим лирику, — твёрдо перебил его Лернер. — Вы сказали, что нам нужно поговорить. Я вас слушаю.

— И тебе совершенно неинтересно, где я был все эти годы и как сложилась моя жизнь? — спросил Шварц.

— Нет, абсолютно, — отрезал Лернер.

Шварц вздохнул, окинул Лернера взглядом.

— Из мелкой рыбёшки ты превратился в настоящую акулу, — произнёс он. — Впрочем, как тебе будет угодно. Я хочу сделать тебе предложение. В Нью-Йорке существует знаменитый аукционный дом, принадлежащий тем же людям, что и «Кристи». Они хотят открыть дочернее предприятие в России. Зная твою страсть к искусству, полагаю, тебе придётся по вкусу идея стать хозяином собственного аукциона. С твоими связями ты быстро станешь королём российского арт-рынка и сможешь вернуть в Россию шедевры, за которые здесь заплатят куда больше, чем в Нью-Йорке или Лондоне. Начальные инвестиции не проблема. Всё кристально чисто, никаких мутных схем.

— А какова ваша роль в этом деле? — с лукавой усмешкой спросил Лернер.

— Я посредник, а не бизнесмен. Свожу нужных людей с нужными людьми, и всё, — расплылся в улыбке Шварц.

— Посредник, говорите? Звучит интригующе. Вы режиссёр, а я исполнитель главной роли. Только декораций тут куда больше, чем в Большом, а гонорары — солиднее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.